

INSTERBURGER BRIEF

в переводах Евгения Стюарта

2015

“Insterburger Brief” декабрь 1961

Тихая ночь...

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СОЧЕЛЬНИК В ИНСТЕРБУРГЕ (WEIHNACHTSABEND IN INSTERBURG)

Он был точно таким же, что и в других городах. В последние часы перед закрытием магазинов толпы озабоченных горожан заполняли улицы Инстербурга. От “Мира на Земле” (рождественский гимн. *прим. переводчика*) не осталось и следа. Спешащие, нервные люди, устремлялись по магазинам – усталые, с вымученными улыбками, продавцы, встречали их за прилавками.

На обдумывание того, что и кому подарить, уходили целые недели: “...может это... а может подвернется что-то получше... впрочем, в запасе еще много времени...”. Так постепенно приближался, а затем неожиданно наступал Святой Вечер!

Ну, слава Богу, он пришел! Над Альтер Маркт раздался звон колокола Лютеркирхи, возвестивший о том часе, когда, согласно предписанию полиции, должны были закрыться все магазины.

Наконец последний клиент был обслужен и господин Кошева, со вздохом облегчения, стал закрывать за ним дверь магазина парфюмерно-галантерейных и аптекарских товаров Готтвальда на Альтер Маркт. Но не успел он этого сделать, как к нему впопыхах ворвался еще один посетитель: “Ради Бога,

подождите!” Это был старый клиент и господин Кошева, быстро пробормотав рождественское приветствие, впустил его. “мне срочно необходима большая бутылка “4711” (туалетная вода. *прим. переводчика*) для моей тещи... Я совершенно о ней забыл...!” Подобные сцены происходили и у Лидеманна напротив, и у Гутовски в узкой части Альтер Маркт – там так же было множество тех, кто “совершенно о чем-то забыл”. И не только у них случалось подобное, но и во всех других магазинах – исключая, разве что, большие торговые дома по торговле текстилем, такие как Дауме, Швейгер, Брендель и другие. Там решетки не поднимали даже для старых клиентов. К тому же текстиль не относился к категории “быстрых” покупок. В цветочном магазине Роде сняли с витрины один из последних кашпо для кого-то из “совершенно о чем-то забывших”.

Покуда улицы постепенно пустели, в витринах ещё долгое время продолжал гореть свет: владельцы магазинов и персонал устраняли последствия дневного “нашествия”. Затем всё стихло и у них. Улицы еще напоминали “беговые дорожки” по которым люди уже не гуляли, а спешили по домам. Их шаги окрыляло радостное предвкушение приближающегося праздника.

Фонарщик, с длинным шестом в руках, ходил от одного объекта своих забот к другому. Пошел снег, и вихри снежинок закружились в танце вокруг газовых фонарей. “Воистину Рождественская погода...”, пробормотал фонарщик, поднимая воротник своей куртки и спеша дальше. Хотя Инстербургские фонари и зажигались автоматически, но их газовые вентили необходимо было время от времени регулировать при помощи шеста фонарщика. В Рождественский Сочельник их огни должны гореть как следует!”.

Улицы вновь заполнились людьми. Закутанные в теплые одежды семьи направлялись в кирхи. Повсюду звонили колокола, призывая к Рождественскому богослужению, которое должно было начаться с наступлением вечера. Правда, в католической кирхе оно наступало лишь в полночь.

В то время как Карл Шёне, в великолепной Лютеркирхе прославлял на органе рождение Сына Божьего, в Меланктонкирхе то же самое делал Трауготт Федке, а в Реформаторской кирхе Нидерштрассер. Церковные хоры исполняли хорошо известные рождественские гимны, а перед алтарем, у рождественской ёлки, мерцали свечи. Всё это было так прекрасно и захватывающе, а проповеди священников столь убедительны, что слушатели замерли – впрочем, только их взрослая часть, поскольку дети беспокойно ёрзали на своих местах. В них сквозило единственное желание: когда же всё это наконец закончится – когда же священник скажет Аминь! И вот этот момент наступил! Ликующие детские

голоса влились в заключительный рождественский хорал.

Горожане заспешили по домам: дети задавали темп! После того, как был быстро съеден праздничный ужин, наконец раздался “звоночек”! Собственно от ужина можно было и совсем отказаться, тем более никто не был голоден. Но необходимо было соблюдать заведенный порядок даже в Рождественский Сочельник. Всё это было настолько увлекательно! Когда же, наконец, с лестницы послышатся тяжелые шаги Санта Клауса? Скоро этот момент наступит! Матушка вот уже как четверть часа ушла в большую комнату, в которую никого не пускали со вчерашнего вечера. У маленькой Гертруды пухлые щечки расцвели ярко-красным румянцем, а маленький Фриц хвастал, будто знает, что под маской Санты скрывается дядя Макс.

В дверь глухо постучали. Матушка вернулась из комнаты, оставив дверь в неё открытой. Там стояла нарядная рождественская ёлка, на чьих ветвях мерцали белые свечи. И тут вошёл Санта Клаус, облаченный в лохматую шкуру (маленький Фриц утверждал, что это была вывернутая наизнанку папина шуба), с глубоко надвинутой на лоб шапкой (конечно заснеженной – снег не успел растаять даже в тепле комнаты), с длинной белой бородой (из-за которой он наверняка плохо видел). В одной руке он сжимал посох, которым грозно размахивал, а в другой держал закинута за спину мешок. Маленькому Фрицу стало немного не по себе. Маленькая Гертруда спряталась за матушкину спину, и Фриц тоже стал искать место, куда бы мог сбежать.

Низким голосом Санта поинтересовался, не ошибся ли он и здесь ли живут благовоспитанная Гертруда и непослушный Фриц. Оба, дрожащими голосами, подтвердили это – но лишь после того, как матушка пару раз подбодрила их. А затем Санта стал припоминать их маленькие грешки, совершенные ими в течение года, чем они были крайне удивлены. Неохотно и заикаясь – матери пришлось помогать Фрицу – они зачитали рождественские стихи.

После этого стало казаться, что лицо Санты просто лучится доброжелательностью. Он отложил в сторону грозный посох и раскрыл свой мешок. Там было всё: коляска для кукол и кукла с закрывающимися глазами для маленькой Гертруды, а для маленького Фрица деревянная железная дорога и игрушечная конная повозка с бочками. Сколько было счастья! Они совершенно не слышали, что им напутствовал Санта. Они обрадовались, когда он ушёл, потому что могли всецело заняться своими игрушками. Позже Фриц сказал, что это был все же дядя Макс, так как на Санте были надеты не правильные сапоги, а туфли, какие всегда носит дядя Макс.

Покуда отец затягивался рождественской сигарой, матушка сидела на диване со счастливой улыбкой и, глядя на свечи, предавалась мечтам. С улицы доносилась музыка. Это надо было видеть! Несмотря на зажженные рождественские свечи, повсюду распахивались окна. Четыре человека стояли на углу улицы под ярким газовым фонарем и исполняли “С высоких небес...”. Вокруг них танцевали снежинки. Мой Бог, как это было восхитительно и торжественно! И неважно, что исполнителям не всегда удавалось взять нужную ноту, и что температура в комнатах стала падать из-за сильного мороза – люди их слушали. А когда музыканты заканчивали играть, то переходили к следующему углу улицы.

+++

"Insterburger Brief" декабрь 1961

И во тьме надежды светит луч...

РОЖДЕСТВО В ИНФЕКЦИОННОМ ГОСПИТАЛЕ ИНСТЕРБУРГА 1945 (WEIHNACHTEN IM SEUCHENLAZARETT INSTERBURG 1945)

Это был сочельник. В инфекционном госпитале для военнопленных № 61 948, располагавшемся на Данцигерштрассе, в нашем родном Инстербурге, наступил вечер. Падавший снег укрывал тонким одеялом серую, утопанную землю лагеря. У большей части больных, врачей, медсестер, и помощников это чудесное волшебство природы пробуждало воспоминания. С их лиц схлынула апатия и безразличие. Ах, какой властью в нас, одиноких и покинутых, обладало одно только слово «Рождество»! А были ли мы покинуты? Могли ли мы вдохнуть надежду в сердца больных и выздоравливающих?

Мне в то время было девятнадцать лет и я работала медсестрой в тифозном отделении лагерного госпиталя. Тяжкий труд редко давал нам возможность прийти в себя.

И это было хорошо.

Смерть ежедневно собирала богатый урожай среди больных. Сам военный госпиталь, что неудивительно, был совершенно примитивен, и при жалком продовольственном пайке не хватало не только медикаментов, но и простых дезинфицирующих средств. Несколько немецких врачей, даже из военнопленных, совершали невероятное. Со временем удалось решить с русскими врачами некоторые особо острые вопросы. Так, например, мы получили топливо для обогрева, а медицинскому персоналу была проведена вакцинация.

Здоровые военнопленные объединялись в трудовые колонны и могли покидать лагерь под охраной. Когда верные солдаты принесли еловые ветви, то нами это было воспринято как чудо. Некоторые из них прятали под своими рваными шинелями даже маленькие ёлочки. Русская охрана в те дни была не столь строгой, как обычно. В наш лагерь русские вообще не заходили. Они испытывали панический страх перед заражением. Получилось так, что мы в лагере оказались в большей степени защищены от притеснений со стороны русских солдат, нежели оставшиеся в городе земляки. Когда поздно вечером мы вернулись со станции в наш барак, сестра Эльфрида разожгла огонь в старой круглой железной печурке. Мы забрались на двухярусный топчан и стали сидеть в тишине. Огонь в печке деловито потрескивал.

Через четыре дня должен был наступить Святой Вечер.

В тусклом свете коптилки мы сидели на досках, тесно прижавшись друг к другу, и вязали из старой, свалявшейся шерсти, носки, перчатки, и шарфы. Мысли устремлялись к нашим родным, о судьбе которых мы почти ничего не знали. Много, ой как много, тревожных вопросов жгли наши сердца! На них нам не мог ответить никто. Сестра Эльфрида была сестрой милосердия и по-матерински заботилась о нас. Она была уже очень стара, чтобы осуществлять утомительный уход за больными. Но мы не могли обойтись без неё, особенно мы, молодые сестры.

И вот наступил канун Рождества. Сестры и санитары украсили больничные бараки еловыми ветками и молодыми деревцами. В глазах многих больных я читала благодарность. Некоторые были слишком слабы, чтобы осознать происходящее вокруг. В серых сумерках выздоравливающие передвигались по лагерю. Снег превратился в жесткий наст, издававший хруст при каждом шаге. Это была картина,

которую невозможно забыть: с трудом перемещающиеся и печальные человеческие тени. Но даже для них должно было наступить Рождество.

Когда вечером в лагере воцарилось спокойствие, наступило подходящее время для маленького и скромного торжества.

Врачи и медсестры находились в палатах подле своих пациентов. К нашей великой радости солдаты из рабочих колонн раздобыли правильные свечи. Мерцающий свет этих свечей настроил нас на грустный лад и еще теснее сплотил наши ряды.

Некоторые украдкой утирали с глаз слезы умиления. Однако, отчаяние не должно было овладеть нами.

«Дети, давайте споём», запел кто-то.

Но он сбился, а затем вовсе замолчал. После этого несколько голосов зятянули наши дорогие и знакомые строки, «Ночь тиха, ночь свята» (рождественский гимн, *прим. переводчика*). Наши песни и свечи вселили в нас мужество и вдохнули надежду на освобождение и воссоединение с нашими родными!

Ruth Hofmann, урожденная Czarnetzki

+++

“Insterburger Brief” декабрь 1961

Воспоминания о...

НОВОГОДНЕМ ВЕЧЕРЕ В АИСТИНОМ ГНЕЗДЕ ИНСТЕРБУРГА (SILVESTER IM INSTERBURGER STORCHENNEST)

С нашей памятью порой происходит нечто странное: если вы пытаетесь заглянуть в нее спустя долгие годы, она напоминает семикратно запертый сейф с таинственными ящиками внутри. Но достаточно небольшого разговора с земляками, которых вы встретили после стольких горьких лет на чужбине, как происходит чудо — сейф открывается и из ящиков возникают образы прошлого. Вы неожиданно оказываетесь посреди ушедших событий и вспоминаете детали, которые, как вы полагали, давно канули в лету. Так произошло и со мной, когда я, приехав на слет инстербуржцев в Мюнхене, в разговоре с инстербуржскими друзьями, услышала имя, напомнившее мне о моей работе в Провинциальной Женской Клинике Инстербурга. Перед моим мысленным взором отчетливо возникли воспоминания об одном Новогоднем вечере. В каком же это было году? Наверное 25 или 26 лет тому назад. Я как раз получила образование няни по уходу за грудными детьми. Рождество, подарившее нам несколько младенцев, уже осталось позади, и вот наступили последние часы старого года. Праздники, отмечавшиеся в клинике, отличались от других подобных учреждений лишь тем, что после них приходилось убираться более тщательно — в остальном они были точно такими же. Сама клиника была похожа на любую другую лечебницу. Аист не обращал никакого внимания на праздники, и в канун Нового года родильная палата была заполнена. Несколько горожанок ожидали своего тяжелого часа.

О Провинциальной Женской Клинике я могу сказать не так уж и много. Она являла собой модель образцово оборудованной современной больницы и располагалась в конце Аугусташтрассе, посреди ухоженного парка. В качестве антипода, напротив нее находился приют Виктории (Viktoriastift). В нем

престарелые инстербуржцы, в окружении любезных сестер милосердия, проводили последние годы своей жизни. У нас же юные инстербуржцы, под присмотром врачей и заботливых медсестер, только начинали свою жизнь. То, что оба учреждения оказались друг напротив друга, было, конечно же, совпадением.

С последнего этажа клиники, к юго-востоку от города, был виден лес. В нескольких сотнях метрах, за Осиновой дамбой, находилось кладбище, на котором многие солдаты Первой Мировой войны нашли свое последнее пристанище. Справа от клиники был пруд (Strauchmühleleichen). Сейчас он находился под толстым одеялом из льда и снега. Снегопад продолжался и в Новогодний вечер, а потому сторож постоянно ходил со снеговой лопатой,

расчищая дорогу к главному входу и хозяйственным постройкам.

Руководитель клиники, профессор Сигель нанес свой последний визит в уходящем году и своим остроумием поддержал молодых матерей и больных женщин. С кухни доносился пряный аромат пунша и подаваемых на стол блинчиков, специально приготовленных к празднику. Конечно же, врач перед этим определил, кому и что можно было есть за праздничным столом. В приемной постоянно звонил телефон: "...Сестра... ради Бога... пожалуйста, скажите, это уже случилось?" Почти всегда медсестра сначала спрашивала: "Кто говорит?", и зачастую получала взволнованный ответ: "... это отец...!"

В длинных коридорах зажегся свет, отражаясь от начисто натертого воском пола. Сестра Сюзанна и сестра Элен, дежурные медсестры, беззвучно проскользнули в палату интенсивной терапии, дабы проверить все ли в порядке.

В палате грудничков, отделенной от коридора большим окном, они лежали в своих корзинках, новые земляне, один (или одна) рядом с другой (или другим). Они играли – пусть и неосознанно – своими розовыми маленькими пальчиками или что-то напевали, как это могут делать только они, своим сверстникам. Лизелотта Вогельрейтер, фройляйн Кляйн (увы, забыла ее имя) и я были ученицами школы медсестер. Мы постоянно находились на ногах, заботясь о наших маленьких пациентах. Все шло своим чередом. Детей матерям привозили к кровати только для грудного кормления. В обычные дни мы, как правило, к 10 часам вечера уже лежали смертельно усталые по своим кроватям, так как вставать приходилось засветло. Но сегодня был Новый год и невзирая на устоявшуюся привычку мы хотели встретить его бодрствующими. Сестра на кухне с пониманием отнеслась к нашему желанию и специально преподнесла нам большой кувшин пунша (который вряд ли содержал алкоголь, учитывая специфику нашей работы). Нам, естественно, было любопытно, кем окажется первый родившийся в новом году гражданин Инстербурга. Когда часы пробили 12 часов мы, выпив пунша и обменявшись добрыми пожеланиями в наступившем году, осторожно ползли в родильную палату. Из двери показался доктор Шой — дежурный врач. «Что, вы тоже на ногах?»,

удивленно спросил он - «... ну, в таком случае... первым инстербуржцем оказался мальчик... он обогнал девочку на десять минут...!», засмеялся он и ушел. Две кормилицы Хемпель и Кобе — чьи имена я помню до сих пор — тоже пришли узнать, кто окажется первым.

В приемной зазвонил телефон и трубку поднял

ночной дежурный. Звонили два господина из газеты «Остпрройссишен Тагеблатт», сказал он, желающие взять интервью у первого новорожденного. Они сказали, что начальник им разрешил. Однако сначала необходимо было спросить дежурного врача. Как выяснилось, тот был в курсе. «Интервью» оказалось весьма забавным. Новорожденный, естественно, не мог говорить и его еще необходимо было подготовить. В тот момент он был совершенно немилостив и ничего не хотел знать о прессе. Сначала даже решили, что на фото младенец будет выглядеть не слишком фотогенично, т. к. был весь морщинистый (его сравнивали даже с прошлогодней картошкой — но разве молодые люди понимают хоть что-то в красоте грудного ребенка и совсем еще новорожденного дитяти?). Как бы там ни было, но новый гражданин Инстербурга, 2 января, украшал своим портретом местный выпуск «Остпрройссишен Тагеблатт».

Такой была Новогодняя ночь в нашем старом и дорогом Инстербурге, в знаменитой Провинциальной Женской Клинике, в которой столь много инстербуржцев появились на свет.

Автор Ilse Krause, урожденная von Heybowitz

+++

“Insterburger Brief” июнь 1963

САДЫ ИНСТЕРБУРГА ВО ВРЕМЕНА СТАРОДАВНИЕ И НЕ ОЧЕНЬ (INSTERBURGER GÄRTEN IN ALTER UND NEUER ZEIT)

Что может быть приятнее в летний день, нежели хорошая прогулка по садам нашего Инстербурга? Однако делать это надо не на высоких каблуках, поскольку бродить мы можем часами и все равно не сможем обойти все, что достойно нашего внимания и уважения.

Венок из зеленых лесов, окружавший город, а в прежние времена подступавший к нему вплотную, располагал к прогулкам. Этими лесами были Городской, Брёдлаукерский, Вальдхаузенский и Эйхвальдерский. Сколь великолепными они были и сколь доступными для жителей Инстербурга!

Сам город был также украшен растениями и садами. И все это было создано не за последние годы. Инстербург всегда был зеленым городом. По крайней мере, таким он был и более ста лет тому назад.

Поскольку выросла я в старой инстербургской семье и была любопытна во всем, что касалось истории моего родного города, то смогла запомнить многое из того, о чем рассказывали старые горожане, приходившие в гости, главным образом к моей бабушке. Зачастую речь шла о том, что кто-то из них продал свой садик, поскольку город расширялся и ему необходима была земля под застройку. Обсуждались цены и взвешивались все за и против. Я слышала о том, как строилась на бывшей садовой территории, на Банхофштрассе, вилла Дауме с портиком, первая в своем роде, а также о том, как судья Шепке построил подобный дом на той же улице. Я сама видела, как вырубались старые сады на Форхештрассе, освобождая место для новых зданий. И, таким образом, я могу представить как мог выглядеть Инстербург приблизительно сто лет тому назад.

Я вижу перед собой старый центр города, сосредоточившийся в пределах Гольдапских (Goldapertor), Верхнемельничных (Obermühlentor), Кирпичных (Ziegeltor), и Замковых (Schloßtor) ворот. Горожане жили в его ядре, вокруг Альтер Маркт, на Прегельштрассе, Гольдаперштрассе, Линден-, Кенигсбергер-, и Ратхаусштрассе (Ратушная прим. Переводчика). Их дома имели тесные дворики, использовавшиеся в качестве подъездов для различных предприятий к их складам и зданиям. Узкие цеха кожевенной и красильной фабрики появились там, где в избытке была вода, то есть на Прегельштрассе, у озера Виппентейх и Шлосстейх (Замковое озеро). Для пекарей, слесарей, и кузнецов сад при доме являлся непозволительной роскошью, поскольку это пространство было необходимо для их работы.

Несколько лучше дела обстояли на улицах, располагавшихся на краю, бывшего тогда маленьким, города: Пригороде (Ворштадт или Зирштрассе), Зигельштрассе, Шарффрихтерштрассе (позднее Герихтштрассе), и других местах, где дома имели собственные сады.

Но жители центральной части города также не оказывались от столь необходимого отдыха на лоне природы. Их сады находились у Гольдапских (Форхештрассе), Верхнемельничных, Кирпичных, и Замковых ворот. Крайним строением у Гольдапских ворот был уланский конный манеж. От него пошло и старое название улицы Рейтбанштрассе — Манежная улица (впоследствии Форхештрассе). В районе Банхофштрассе, а затем Гинденбургштрассе, цвели сады и находились амбары. Крайним зданием слева от ворот стоял дом пекаря Байора, на чьем месте впоследствии было построено большое здание Сельского Экономического Союза. Дом Шмуде сохранил часть ухоженного сада. На садовой территории было также построено здание газеты «Остдойче Волькцайтунг», с прекрасным садом на его задворках.

Угловой дом кафе «Альт Вейн» на Беловштрассе построили на территории сада, принадлежавшего до этого Экерту-Бродерлову. Находившийся прямо напротив сад Брёмера был продан около 1900 года, и я помню, что моя бабушка рассматривала вопрос о его приобретении. Покупка не состоялась и вследствие этого этот участок был куплен владельцем фабрики Дренгвица, построившим на этом месте большой дом. При этом он сохранил часть сада, который затем продал под застройку художнику Модесту.

На правой стороне обновленной Банхофштрассе, за зданиями «Флорахаус» (Florahaus), аптекой Имперский Орел (Reichsadler-Apotheke), и магазином машин Хансена (Maschinenhandlung Hansen), тоже были сады.

Теперь давайте взглянем на центральную часть Рейтбанштрассе (Форхештрассе). Отсюда на восток вела потаенная дорожка: «тропа начальника полиции». Она также вела к полю и садам, где позже возникла Вильгельмштрассе. На поле Бута (Boothschen Feld) была построена, окруженная скверами, Реформаторская кирха. Вильгельмштрассе, первоначально сохранявшая свои сады, была застроена зданиями банков и почты.

В шестидесятые годы (XIX века. прим. Переводчика) на Форхештрассе, на садовом участке, было построено здание гимназии. На месте Тилльского сада (Tillschen Garten), принадлежавшего моим предкам, и о чьих грушах еще грезил мои старшие братья и сестры, возник дом директора гимназии. Сад мясника Виттке и его сестры Марии — напротив средней школы для девочек — был вырублен уже в наше время, после чего на этом месте появились новостройки городского совета. Он остался в моих воспоминаниях, так как там, рядом со старым каштаном находился глубокий колодец, являвшийся обиталищем лягушек, а это животное всегда вызывало неподдельный детский интерес. Наконец, в конце улицы, у Верхнемельничных ворот (Obermühlentor), начинались большие пригородные сады жителей городского центра. Их было настолько много, что через них шло аж две Садовых улицы (Gartenstraße), Первая Садовая и Вторая Садовая. Вторую позднее переименовуют в Фридрихштрассе. Я все еще помню один частный сад бывший на месте дома Буднинга. Там, где располагается его двор (со стороны Второй Садовой/Zweiten Gartenstraße), адвокат Синнекер держал собственный дом с прекрасным садиком. Но, даже когда Гартенштрассе застраивалась, этот район сохранил большие зеленые пространства. Здесь находилось известное садоводство Рёнке (Roerke). У входа в городской парк был таинственный одичавший гостевой сад Ёхсе (Oehse), на месте которого впоследствии было построено здание «Паркинг» (Parking). Там же цвел сад театра Тиволи, в котором стар и млад проводили многие счастливые часы. Деревянный летний театр в первые годы своего существования имел одну лишь сцену. Зрители сидели за столиками прямо в саду под старыми деревьями (наподобие Розового театра в Берлине). Принесенные с собой бутерброды запивались здесь бокалом пива или чашечкой кофе. Жертвами его представлений становились дети из семей театралов. Дело в том, что места в театре не были пронумерованы и детям приходилось часами удерживать их для своих родителей. Когда представление начиналось и было интересным, то их отправляли домой спать.

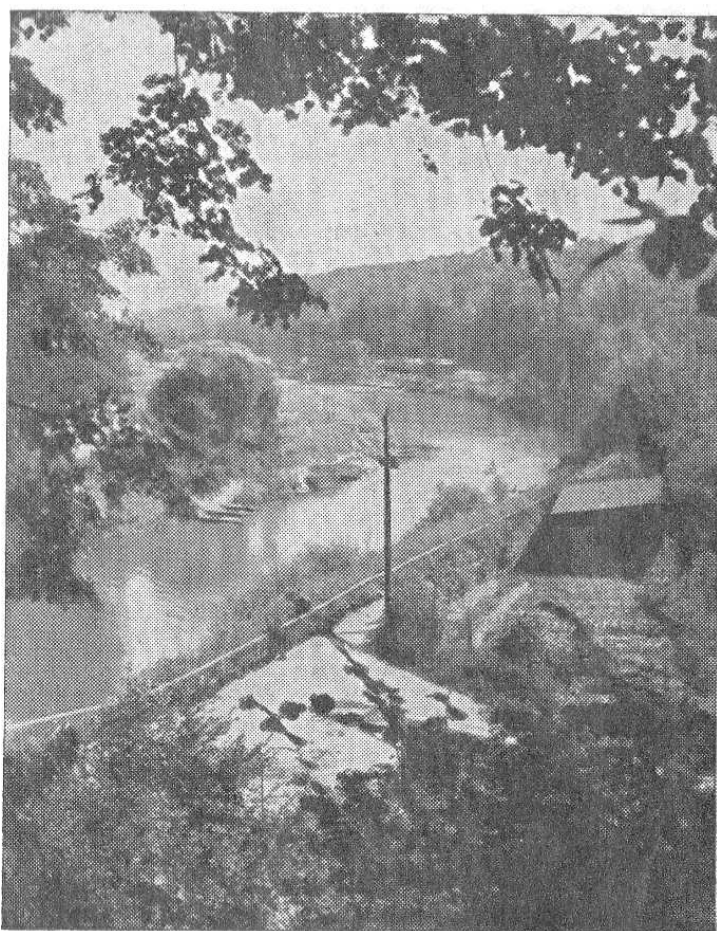
Наконец, в этом зеленом углу появился даже Новый Рынок (Neue Markt)! В те времена здесь также был сад, протянувшийся от глубокого оврага до Зеленой Аптеки (Grünen Apotheke). Остатки оврага, после его засыпки и перепланировки территории под новую рыночную площадь, можно увидеть, если взглянуть вниз на переулок Добенекгассе (Dobeneckgasse). За многочисленными садами у Верхнемельничных ворот, как мы знаем, раскинулся сад Социального дома и общества Долины Стрелков.

На другой стороне Гавенского озера нас встречали сады на Зигельштрассе, из которых мне все еще помнится тот, что принадлежал Стокманну. К его саду на Зигельштрассе примыкал дровяной склад и сад плотника Плата, на месте которого была построена Меланктонкирха и окружающие ее дома. На Зирштрассе все дома имели свои сады, на Герихтштрассе частично, а на Шлосштрассе у гостевого дома «Зеленая Кошка» был сад у самой воды. Напротив него, на противоположном берегу Замкового озера, находилась Винная Терасса магазина Хеллбуша, а позднее Бурдински (на Шприценштрассе). Особенно романтичными были на Шлосштрассе сады Сутера и старой виллы Альтхоф, потому что они росли на склонах крутого замкового рва, с видом на старый замок и его парк.

На восточной стороне города, на берегу реки, мы также обнаруживаем старые сады, некоторые из которых одичали, вследствие чего стали особенно романтичными. Я помню сад у дома

суперинтенданта Лютеркирхи и сад Флор. На этом мы заканчиваем описание нашего города, каким он выглядел на рубеже столетий.

Но затем, город начал расширяться. Старые сады вырубались и появлялись новые улицы. Таким образом, великолепный парк, принадлежавший пивоварне Бернекера, в 1908 году, после того, как на его территории был проведен провинциальный хоровой фестиваль, был принесен в жертву, как и находившееся за ним старое кладбище Розенберг, ради строительства на его месте жилого комплекса «Королевский Угол» (Königseck). В свою очередь, жители Инстербурга открыли для себя уникальные по своей красоте... овраги! Еще во времена моей юности мы, с опаской, играли в индейцев на их таинственной территории. Дело в том, что имение Ленкенинген (Lenkeningen) являлось еще частным владением и сторож зачастую прогонял нас бранными словами. Когда же город приобрел его в собственность, то оно стало доступно горожанам, превратившись в идеальное место для игр, спорта, и туризма.

Прекрасный вид из сада Флор на реку Ангерапп

Как замечательно тогда было в «Вороньей Роще» (Krähenwäldchen) с ее выветренными погребениями под старыми соснами и елями, к которым так и хотелось прикрепить гамак. Через овраг (на Цитенштрассе/Zietenstraße) и по рельсам железной дороги на Тильзит (что, кстати, было «строго запрещено»!), миновав изгиб реки и армейские бани, легко было попасть в Камсвикен! Оттуда я иногда возвращалась в город вплавь, а свою одежду отправляла с проходящей байдаркой до Цигера (где находился открытый городской бассейн. прим. Переводчика). Да, это были еще те удовольствия, которые более взрослая жизнь уже вряд ли могла предложить, и я часами могу рассказывать о том, что дали мне и моим детям зеленые окрестности нашего родного города. А как же не вспомнить наши великолепные гостевые сады?! В самом городе, на Форхештрассе, долгое время находился сад Кронпринц (Kronprinzgarten), где можно было уютно расположиться под старыми каштанами

с чашечкой кофе или бокалом пива. Вечером, под тихую музыку маленькой акапеллы, инстербуржцы, когда дома им становилось слишком жарко, приходили сюда освежаться. И по сию пору, по прошествии многих лет, какой-нибудь инстербуржец, давно покинувший наш город, во время встречи сразу задает вопрос: «А что с садом Кронпринц, он все еще существует?». Нет, он больше не существует. Уже в 1924 году городской совет на его месте построил ряд домов, в которых помимо квартир находилась фирма Леке (Lecke), обувной магазин Кли (Klee), а также принадлежавшие муниципалитету торговые и деловые помещения.

На Белильном поле (Bleiche) долгие годы цвел сад, принадлежавший садоводческому хозяйству Рамм (Ramm), где во время вечерней прогулки можно было за пять пфеннингов выпить кружку разливного коричневого пива (Stange Braunbier). За Туннелем находился ресторан «Горные Замки» (Bergschlössen), тоже имевший, пользовавшийся популярностью, гостевой сад с кегельбаном. У старых инстербуржцев, тем самым, было достаточно мест для отдыха, так как помимо уже упомянутых, имелся еще целый ряд меньших гостевых садов. Им не нужно было сидеть у дверей своего дома, когда им досаждала вечерняя духота и они желали обсудить события прошедшего дня со своими соседями.

Впрочем, длилось это недолго и вскоре они осознали, что отдых в собственном саду намного приятнее, нежели в гостевом. Еще до Первой Мировой войны, и особенно после, многие стали находить удовольствие в работе на своих загородных участках. Так скорняк Краузе разбил сад на принадлежавшей ему части поля, на склонах реки Ангерапп. Пекарь Эфа, последовав его примеру, посадил сад на Ангераппской возвышенности. Роберт Брендель, также приобретя там участок, построил в своем новом саду дом. Это подтолкнуло многих других к тому, чтобы начать обживать этот идеальный уголок для жизни. Вид на реку и возможность иметь собственное место для купания оказались для них слишком привлекательными. Наряду с Бренделем сад также разбила и фройляйн Пфейфенбергер. На упомянутой уже Ангераппской возвышенности появился сад Фрица Кройцбергера, мой персональный рай. Вскоре там возникло поселение Ангераппхое с более чем 30 домами и садами. На Белильном поле, ближе к городу, зацвели сады Кауфманна, Фишера, Мауерхоффа и Цейса. В Городском лесу, в собственных домах, посреди прекрасных садов, поселились доктор Видвальд, Эрнст Хейсель, и мясник Беринг.

Но помимо этого садовые участки способствовали расширению города в сторону сельской местности, а также позволяли людям со скромным достатком ощутить радость отдыха в маленьком саду. Наиболее прекрасные и ухоженные из них располагались в оврагах. Когда я недавно читала некролог о скончавшемся помощнике директора гимназии Хаасе в «Письмах из Инстербурга», то вспомнила, что у него был замечательный сад в оврагах, и он бескорыстно консультировал своих соседей на предмет благоустройства их участков.

Также стоит упомянуть и о частных садах на Альтхоферштрассе с их красивыми домами. Можно многое поведать о Шприндте, о районе озера Страухмюлен (что в вольном переводе может означать – озеро Кустарниковой Мельницы или Мельницы в Кустах. *прим. переводчика*), о бывшей территории тюрьмы на Георгенбургерштрассе, на месте которой возникли частные дома с ухоженными садами, и о многих других уголках в пригороде, где вокруг аккуратных домиков зацвели сады.

Однако, директор садов Кауфманн, при помощи ландшафтного архитектора Макса Хаасе и владельца садового хозяйства Рудольфа Ланге, облагородил для всех прекрасную территорию в качестве Городского парка, овраг со спортивным парком, площади Маркграфенплац и Ульменплац, а также Городской сад и Новое Кладбище, напоминавшее огромный парк.

В заключение, мы совершим еще одно путешествие вокруг нашего дорогого Инстербурга, во время которого окажемся на лоне природы и едва-едва ступим на городские улицы: На автобусе мы приезжаем к Осиновой дамбе и начинаем наше путешествие у оконечности озера Страухмюлен, вдоль которого тянется красивый променада. Мимо старых домов мы спускаемся к Чернуппе, мельничному ручью, проходим по туннелю под железной дорогой и выходим через него к Городскому парку. Под лягушачье кваканье мы идем вдоль озер к «Зеленой Кошке» (гостевой дом и трактир. *прим. переводчика*) и поворачиваем там на Шлоссштрассе, а через пару сотен метров

достигаем Старого Кладбища, пройдя которое подходим к эллингу (гаражу для лодок. *прим. переводчика*) Гребного клуба. Отсюда движемся к Ангераппской дамбе, известной как Вал, и далее вдоль реки к теннисным кортам, городскому бассейну и мимо Турнирного поля (где проводились конные состязания. *прим. переводчика*), по крутой лестнице, поднимаемся к Новому Кладбищу. Мы выходим из него на Зальцбургерштрассе и по грунтовой дороге добираемся до рощи Альбертсхофер и имению Альбертсхоф, откуда вскоре попадаем в отправную точку нашего путешествия, у озера Страухмюлен.

Вы немного запыхались? Да, это было немного быстро! Но ведь я была права, когда предупреждала о высоких каблуках, не так ли?

Дорога по садам нашего родного города была длинной. И все же, мы охотно вновь и вновь прошли бы по ней, если бы судьба позволила нам сделать это. Лишь сейчас, когда мы потеряли всю эту красоту, мы понимаем, какое счастье она нам дарила.

Я верю, что если бы нам, старым инстербуржцам, предложили выбирать между поездкой на Сицилию или Майорку, а также в наш дорогой родной город, то мы бы сказали: “Мы едем в Инстербург, наш дорогой, старинный родной город, живущий в наших сердцах!”

Автор Charlotte Kreutzberger (28.11.1888 - 03.04.1976)

+++

"Insterburger Brief" февраль 1960

ДА, ТАК БЫЛО! (JA, DAMALS!)

Когда дни становились по-летнему прекрасны, директора школ нашего дорогого Инстербурга подготавливали для детей школьный праздник. Детские сердца радостно стучали в предвкушении самого замечательного дня школьной жизни. Запросы тогда были довольно скромными. В то время как самые маленькие дети совершали экскурсию в Люксенберг или к Осиновой дамбе, те, кто был постарше отправлялись пешком через лес в Дреболинен, а воспитанники старшей школы ездили на поезде в Вальдхаузен или по узкоколейной железной дороге в Каралине (Луизенберг), что само по себе являлось для них большим переживанием, оставлявшим более сильные впечатления, нежели современные дальние школьные поездки, на которые родители зачастую тратятся неохотно. Было вполне достаточным, чтобы девочки были одеты в постиранные и наглаженные белые платья, к которым прикрепляли купленные для этой цели красочные банты. Мальчиков из народных школ никогда при этом не видели бегущими босиком, как они имели обыкновение делать в учебные дни. У всех на ногах блестели начищенные ботинки. В свою очередь учителя перед началом праздника должны были выяснить и помочь тем, у кого обувь была не начищена. Так, маленькая группа, с музыкой, отправлялась к назначенному месту, где после чаепития с тортом, совместно с родителями, все приступали к играм.

Насколько этот день был радостен для детей, настолько же он был утомителен и ответственен для учителей. Было весьма трудной задачей развлечь и доставить удовольствие классу из 50 учеников, как это тогда было принято, при этом пресекая всякие споры и раздоры, периодически возникающие в его среде. Однако – в этот день часть преподавательского коллектива тоже отдыхала. Дело в том, что не все учителя были со своими классами, вследствие того, что празднество было только у части школы. И теперь эти “бездельники” из учителей присоединялись к общему веселью. Прекрасный лес в Дреболинене приглашал юных дам и господ к приятным прогулкам, во время которых между ними

возникали нежные чувства. Молодые супружеские пары учителей также наслаждались этим необременительным досугом подобно “влюбленным котикам”. То, как они мурлыкали в адрес собственным женам или симпатичным молодым преподавательницам, взобравшись на ограждение сеновала лесника из Дреболинена, запечатлено на фотографии.

Aus dem Foto-Album von Frau Charlotte Kreutzberger sehen wie folgende frühere Lehrerinnen und Lehrer (Namen von links oben): Eugen Wiemer, Anna Müller, Otto Scheffler, Elfriede Hoffmann, Hans Schober, Lotte Mattern, Adolf Reuter, Ella Schober, Walter Mauerhoff, Mieke Schober.

Конечно и тогда существовали люди не способные поддаться столь безобидной радости. Но какое это было счастье, оказаться в той шумной компании. И теперь мы сетуем: О, ты, время непрехотливых радостей, как ты теперь далеко.

Автор Charlotte Kreutzberger

+++

"Insterburger Brief" август 1961

Об Истории Реформаторской Кирхи в Инстербурге (ZUR GESCHICHTE DER REFORMIERTEN KIRCHE IN INSTERBURG)

Собирая материал по истории Инстербурга можно встретить лишь разрозненные упоминания о Реформаторской кирхе. Позднее Е. А. Хенниг (E. A. Hennig) подробно остановился на этой теме в своей работе “Описание города Инстербурга”, напечатанной Кантером в 1794 году в Кенигсберге. В этом труде, раздел, посвященный Реформаторской кирхе и ее священникам, весьма примечателен. В нем благожелательно повествуется о появлении реформаторской общины, исповедовавшей протестантское вероисповедание.

Мы приводим здесь главу о Реформаторской кирхе в той самой стилистике, как это наблюдается у Хеннига. Он пишет *reformit* вместо *reformiert* и *Gemeine* вместо *Gemeinde*, *Glocken* вместо *Glocken* и т. д. (впрочем для нас это не имеет абсолютно никакого значения. прим. переводчика)

(Хенниг, Описание города Инстербурга. Кенигсберг 1794)

Инстербургская Реформаторская Кирха

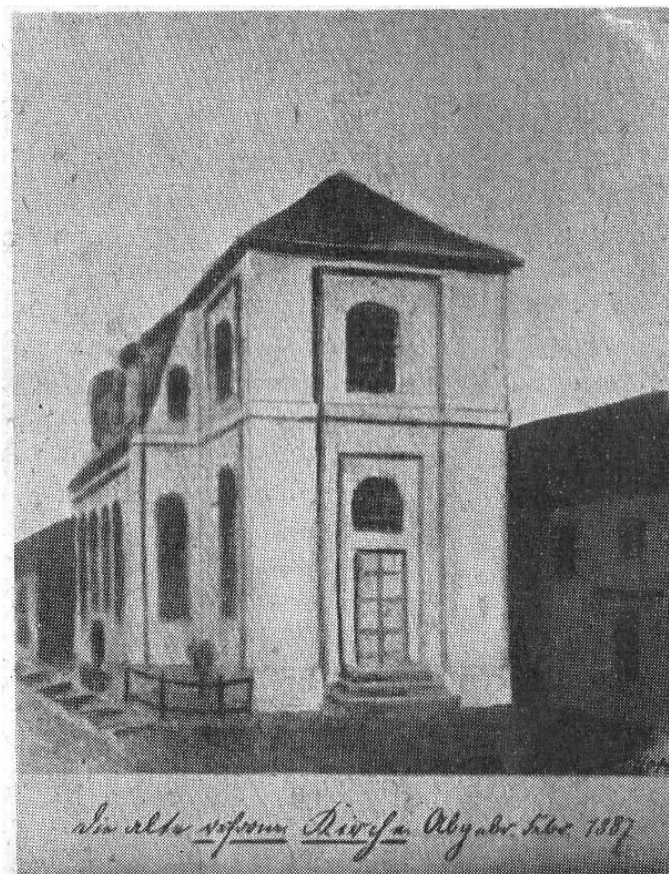
“Реформаторская кирха располагается у Гольдапских ворот, и имеет небольшие размеры, внутри просторная и светлая, имеет 2 хора соединенных друг с другом, одну звонницу, и один колокол. (Во время похорон протестантов использовался колокол Лютеранской кирхи/Лютеркирхи).

Реформаторская община в Инстербурге к 1701 году уже существовала. Она возникла благодаря шотландцам, которых в Пруссию, в прошлом веке, привели торговые дела, и многие их респектабельные семьи поселились в Инстербурге. В те времена, в здешнем

замке, жила княгиня Сапега, и община имела не только молитвенную комнату в этом замке, но и *ausgewürkt* первого проповедника. После последней великой чумы 1709 года, унесшей жизни многих горожан и жителей окрестностей, дефицит людей был восполнен швейцарской колонией, многочисленные семьи которой осели здесь, и в значительной степени увеличили реформаторскую общину в 1711 и 1712 годах. Такой прирост прихожан привел к необходимости второго, французского, проповедника. Король Фридрих Вильгельм Первый даровал общине в 1730 году кирху, пожертвовав на ее строительство из королевской казны 6000 талеров. Кирха, стоящая по сию пору, была построена и 14 августа 1735 года государственный тайный советник и президент поместного суда барон фон Бюлов (*Baron von Bülow*), торжественной речью объявил ее открытой. Община разрослась еще больше, когда прибыли колонии переселенцев из Пфальца и Нассау.”

Далее по Хеннигу. Если теперь мы попытаемся проследить историю этой общины на примере ее отдельных священнослужителей, то вначале необходимо заметить, что с 1736 года их было двое. Второй (для удобства будем называть его заместителем. прим. переводчика), долгое время, каждое первое воскресенье месяца проводил службу (богослужение) на французском языке. Поначалу церковный надзор осуществлял реформаторский инспектор из Гумбиннена. Так было вплоть до приезда, примерно в 1730 году, в Инстербург, Якоба Тамнау (*Jacob Tamnau*).

Первого реформаторского проповедника звали Эрнст Кристиан Кёниг (*Ernst Christian König*). Родом он был из Гернроде (ныне земля Саксония-Ангальт. прим. переводчика). 16 февраля 1701 года он был приглашен в качестве проповедника в Инстербург. Ему приходилось вести службу, несмотря на отсутствие замковой кирхи. В его обязанности также входило обучение детей из общины основам

**Старая Реформаторская кирха на Гольдаперштрассе.
Построена в 1735 году. Снесена в 1887 году.**

христианского учения, что он делал каждую субботу. Он также возглавлял реформаторскую общину швейцарцев из Садвейтшена (Sadweitschen/Первомайское) и по три раза в год выезжал в Гольдап, Лик, и Ангербург ради проведения причастия и службы для тамошних кальвинистов. В 1717 году он имел несчастье перевернуться на фургоне во время поездки в Кенигсберг. Он сломал ногу и вскоре скончался в Кенигсберге. Ему на смену пришел Вильгельм Крайтон (Wilhelm Crichton) из рода инстербургских шотландцев, родившийся 20 мая 1683 года. Его отец, Ганс Крайтон, был лавочником и зажиточным человеком. В 1700 году Вильгельм поступил в Кенигсбергский университет, в 1715 стал священником Королевского Сиротского Дома в Кенигсберге, а в 1718 был приглашен в Инстербург, где до 1730 года возглавлял местную общину, оставив по себе память порядочного учителя. В 1730 году он стал придворным протестантским священником в замковой кирхе Кенигсберга, а в 1732 году церковным инспектором, а также членом церковной и школьной комиссий. Он скончался в Кенигсберге в возрасте 66 лет после продолжительной болезни 24 марта 1749 года.

Третий служитель нашей общины, Якоб Вильгельм Тамнау (Jacob Wilhelm Tamnau), крещеный 16 июня 1707 года, был родом из Кенигсберга. Он был сыном кенигсбергского ювелира Иоганна Давида Тамнау. Якоб был королевским воспитанником закрытого пансиона в Берлине. Это означало, что он получал образование за счет государства. Позже он учился в Голландии, в Лейдене, и совершил за свой счет путешествие. 31 мая 1730 года он был рукоположен в Берлине как первый инстербургский реформаторский проповедник, являвшийся одновременно и инспектором Литовского округа. В это время правительство решило спор с лютеранским духовенством относительно десятины, дабы исповедывающие кальвинизм (реформаторство) платили деньги в кассу своей церкви. Вследствие этого реформаторская община стала процветать. В 1735 году была построена собственная кирха, которую Тамнау торжественно открыл благодарственной проповедью. Свою речь также произнес и президент фон Бюлов. Часть огромных средств, пожертвованных во время ее освещения, Тамнау роздал бедным членам общины. Однако большая часть денег стала основой церковного фонда, из которого вскоре была профинансирована постройка дома проповедника. Центр церковного надзора в это время переместился в Инстербург, так как Тамнау являлся инспектором всех реформаторских

общин Гумбинненского района. В связи с таким расширением его обязанностей потребовался второй священник. Тамнау умер в возрасте пятидесяти лет в Пирагиенене (Ангерлинде/Мичурино) на Рождество 1757 года. В этой деревне реформаторские швейцарские семьи, с французскими именами, составляли основную массу крестьян. Вскоре после своего вступления в должность в Инстербурге, 15 апреля 1731 года, Тамнау женился в Кенигсберге на урожденной Софии Шарлотте Миннен фон Бусс (Sophie Sharlotte Minnen von Buss), которая пережила его и скончалась 17 июня 1759 года.

Четвертым проповедником был Якоб Шрёдер (Jacob Schröder), родом из Кюстрина. Он учился во Франфуркте и Лейдене, проповедовал несколько лет во Франции “sous la croix” и был рукоположен 8 февраля 1741 года в Берлине в качестве заместителя реформаторского проповедника Инстербурга, а также проповедника Валлонской общины. Мы видим, насколько внимательно церковное руководство в Берлине заботилось об отдельных общинах разных вероисповеданий. Вскоре после своего вступления в должность, подобно своим предшественникам, он женился. Его избранницей стала Розина Элизабет Каннот (Rosina Eliesabeth Cannot), с которой он сочетался браком в феврале 1742 года, и чей брат впоследствии стал его преемником. После того, как он 17 лет занимал должность заместителя проповедника, он стал главным пастором. При нем была построена собственная реформаторская школа. Шрёдер скончался после продолжительной болезни в Инстербурге, 20 декабря 1779 года.

Как уже упоминалось, его преемником стал брат его жены, Эрнст Генрих Каннот (Ernst Heinrich Cannot), который был крещен в Кенигсберге 3 мая 1735 года. Учеба привела его из Кенигсберга во Франфурктский университет. Затем он служил проповедником Сиротского Дома в Кенигсберге, после чего стал заместителем священника в Инстербурге, а в 1780 главным священником. При нем, 14 августа, община отпраздновала 50-летие освящения своей кирхи публичным богослужением. В первый пасхальный день 1792 года был торжественно введен в строй орган. Каннот ушел в отставку, как проповедник инстербуржской общины, 1 марта 1797 года, в связи с плохим состоянием здоровья, а 31 декабря 1802 года также сложил обязанности священника в общине Нойнишкена (Нойнассау/Привольное) чей приход тогда был официально закреплен за Инстербургом. На старости лет он ослеп и умер в Инстербурге 16 ноября 1805 года.

Шестым и последним проповедником, исповедовавшим кальвинизм в Инстербурге, был Карл Ламберт (Carl Lambert), родившийся в Берлине 13 октября 1761 года. Там же он был рукоположен в качестве заместителя проповедника Инстербурга 1 октября 1783 года. После того, как главный проповедник заболел, он занял в 1797 году его место. Он управлял общиной в течение 22 лет, вплоть до своей смерти 5 февраля 1819 года. Ламберт сочетался браком с Луизой Юлианной Ворхофф (Louise Juliana Vorhoff), дочерью Георгенбургского священника Иоганна Вильгельма Ворхоффа, которая после его смерти осталась вдовой с несколькими детьми. Интересно, что он женился на дочери лютеранского коллеги еще до слияния обеих протестантских конфессий в 1817 году, чего очень желал король Фридрих Вильгельм III. Времена бедствий 1806/07 годов и освободительные войны весьма способствовали этому.

Столь подробным исследованием семей проповедников я в значительной мере обязан господину полковнику Д. Фридвальду Моллеру (D. Friedwald Moeller) из Висбадена, работавшему над книгой о Восточно-Прусских священниках. Далее следует краткий список заместителей проповедников:

1. Н. Реми (N. Remi), который возможно занимал эту должность с 1736 года и умер в 1740 году.

2. Якоб Шрёдер (Jacob Schröder) был прислан в 1742 году из Берлина на его место, после чего, в 1757 году, стал главным пастором.

3. Иоганн Кристоф Мюллер (Johann Christoph Müller) из Кенигсберга являлся с 1755 года священником Сиротского Детского дома в Кенигсберге. В 1762 году он стал заместителем проповедника в Инстербурге, а в 1772 году стал проповедником в Юдшене.

4. Эрнст Генрих Каннот (Ernst Heinrich Cannot) с 1772 по 1780 годы занимал этот пост, после чего стал главным проповедником.

5. Людвиг Теремин (Ludwig Theremin), родом из Гросс-Цитена, около Берлина, стал в 1781 году заместителем проповедника, но в 1782 году переехал в Мемель.

6. Карл Ламберт (Carl Lambert), родом из Берлина, стал заместителем проповедника в 1783 году. О периоде после 1800 года сведения становятся крайне скудны. Время от времени возникают упоминания о проведении различных ремонтных работ в кирхе и реформаторской школе, открытой в 1760 году. В 1835 году советник (ландрат) Бурхард (Burchard) утвердил работы, оцененные в 160 талеров для кирхи и дома священника, а также 139 талеров для школы. Хотя исповедующие кальвинизм известны за свои простые обряды и скромные церковные украшения, инстербуржцам не нравилась их кирха, у которой отсутствовала башня. Тем не менее, им пришлось подождать с этим до 1887 года, когда началось строительство нового храма.

Мне до сих пор неизвестны те проповедники, которые занимали этот пост в первой половине 19 столетия. Лишь в середине этого века, около 1860/61 годов упоминается проповедник Мергуэт (Merguet). Его сын Виктор, родившийся в Инстербурге, в 1861 году получил аттестат зрелости. Известно, что Мергуэт был недоволен посещаемостью собраний крестьянами из Пирагиенена и Симонишкена. Тем не менее, он был человеком открытым новым веяниям. Мы находим его в числе избирателей первого класса Национально Собрания, в 1849 году.

Его преемником в Пелленинкене, в 1845 году, стал сын проповедника, позднее получивший должность суперинтенданта, пастор Даниель Август Хундермарк (Daniel August Hundertmarck), занимавший свой пост аж до 1911 года. Он был одним из основателей общества Древностей в 1880 году и заслужил в городе славу своими заслугами в области социального обеспечения и пенсий. Он контролировал строительство реформаторской кирхи на Маркграфенплац, чей фундамент был заложен в сентябре 1886 года, а торжественное открытие состоялось 24 апреля 1890 года. Эта кирха была возведена по планам Ф. Адлера.

Даже когда в 1911 году он покинул свой пост, то продолжил посвящать себя дальнейшему развитию приютов. Ко времени своей смерти в 1911 году он заслужил глубокую благодарность всего района. Его преемник, последний реформаторский суперинтендант, Д. Кун (D. Kuhn), был талантливым проповедником и занимал этот пост с 1911 вплоть до своей смерти 29 июня 1926 года. К примеру, он создал группу для теологических исследований, объединившую многих восточно-прусских священнослужителей.

Следующим был пастор Людерс (Lüders), который также исполнял функции армейского капеллана (видимо именно поэтому кирха называлась не только Реформаторской, но также и Гарнизонной. прим. переводчика). Офис суперинтенданта был передан в это время в Кенигсберг. Яркие и убедительные проповеди Людерса остались в памяти многих инстербуржцев. Пастор Людерс, который был очень болен, скончался 4 октября 1943 года, избежав тем самым позора изгнания. Чтобы восполнить недостающую информацию о всех этих людях, я прошу их друзей или потомков, поведать то, что им известно о них.

Автор Dr. W. Grunert

+++

В том же номере журнала можно обнаружить маленькую заметку, посвященную автору статьи о Реформаторской кирхе, доктору Грюнерту.

Доктор Вальтер Грюнерт отмечает...

Золотой Юбилей Докторской Степени (GOLDENES DOKTORJUBILÄUM)

Доктор Вальтер Грюнерт (ныне проживающий в Бад Пирмонте, по адресу Херренфельде 4) хорошо известен инстербуржцам, а еще более читателям «Писем из Инстербурга». В нашем родном городе он был одним из преподавателей Инстербуржской гимназии, а также возглавлял общество Древностей. То, что инстербуржский музей имел прекрасную репутацию далеко за пределами нашего города, является исключительно его заслугой. По его инициативе и под его руководством проводились раскопки в нашем районе, пролившие много света на жизнь и обычаи доисторических жителей нашей родины. В многочисленных публикациях, и не только в нашей прессе, доктор Грюнерт знакомил читателей с результатами своих обширных исследований. В качестве издателя периодического приложения к газете «Ostpreussischen Tageblatt», называвшегося «Надровия» (Nadrauen), он внес неоценимый вклад в дело привития любви к нашей родине. Многие статьи в «Письмах из Инстербурга», касавшиеся истории нашего края, и в частности Инстербурга, сделали доктора Грюнерта человеком известным нашим читателям. Вполне естественно, что он является членом совета земляческой общины Инстербурга.

5 июля этого года (1961) некоторые из его бывших студентов устроили ему сюрприз в виде маленькой, но впечатляющей церемонии, устроенной возле камина, в его родном доме. Эта

церемония ознаменовала собой (юбиляр об этом практически забыл) 50-летие окончания им университета Альбертина, в Кенигсберге, в котором он был удостоен докторской степени математика. Университет Гёттингена, являвшийся крестным университетом Альбертины, вручил ему золотой докторский диплом. Помимо этого ему была подарена, в качестве почетного приза, перевязанная сафьяновой лентой фотокопия его диссертации в искусно отделанном футляре. Издатели и редакция поздравляют от имени читателей «Писем из Инстербурга» своего верного сотрудника доктора Грюнерта (пусть и с опозданием, но не менее искренно) в этот особый день и желает ему многих лет плодотворной работы, чтобы он смог осуществить начатое.

+++

“Insterburger Brief” апрель 1962

Наше Мельничное Озеро (UNSER MÜHLENTEICH)

Из окна нашего дома открывался великолепный вид. Взору представляли ивовые сады, среди которых паслась черно-белая корова. Иногда она лежала, лениво пережевывая сочную траву. Только ее хвост находился в постоянном движении, отгоняя назойливых мух. Картина мира и покоя. Из-за небольшого холма, в долине речушки Чернуппе, выглядывала крыша Кустарниковой мельницы, перед которой расстилалась широкая гладь Мельничного озера, в чьих водах отражался синий небосвод, а вдоль горизонта высился темный Городской лес.

Этот вид, вновь и вновь, манил к долгим прогулкам вдоль озера Кустарниковой Мельницы (Strahmühlenteich), нашего “Мельничного” озера. От нас было совсем недалеко до его берега. Сделав несколько шагов, я оказывалась на другой стороне улицы, проходила мимо соседского сада и по двух узким бревнам пересекала небольшой ручей. Затем я шла через картофельное поле, которое бело очень красиво, особенно во время цветения. Дорога приводила меня прямо к Кустарниковой мельнице. С одной ее стороны все еще можно было видеть большое водяное колесо. Тем не менее, оно давно не работало. Мельница более не приводилась в действие силой воды. С плотины, сооруженной из грубых валунов, можно было лицезреть Мельничное озеро, выглядевшее столь безобидно. Но каждый год оно собирало урожай своих жертв. Люди, а особенно дети, либо тонули, либо проваливались, катаясь на коньках, под лед, и гибли. И это не говоря уже о тех, кто устав от жизни, вновь и вновь искал смерти в водах озера. Старики говаривали, что в полночь, на берегу Мельничного озера собирались неупокоенные души тех, кто добровольно уходил из жизни.

Мельничное озеро не всегда бывало спокойным. В ветреные дни на нем поднимаются даже небольшие пенные буруны. Большей же частью было безветренно и особенно вечером оно представляло кристально чистым и спокойным, а высокие деревья, недалеко от дамбы, бросали длинные тени на его поверхность.

Прогулка по променаду до Янзонсруэ (Janzonsruh, после 1945 г. поселок Ярки. *Прим. переводчика*) была чудесной. Променады вокруг Мельничного озера были построены в период массовой безработицы после Первой мировой войны. Также были построены красивые деревянные мостики над многочисленными канавами и протоками озера и установлены скамейки для отдыха. Таким образом можно было спокойно дойти до Янзонсруэ, где тенистый сад приглашал к отдыху. Кроме того там подавали отличный кофе и вкусные пироги.

Перейдя через Бродлаукерское (Brödlauker) шоссе у Янзонсруэ мы вскоре попадали на узкую тропку, ведущую мимо сосен к Кессельскому лугу. Это была прекрасная маленькая долина, окруженная

высокими соснами. Посреди нее и находился большой Кессельский луг, через который протекал небольшой ручей. По его краям стояли столы и скамейки. По воскресеньям разбивались палатки. Красивые качели были установлены между лиственными деревьями. На них можно было раскачаться до самых крон.

Очень часто мы совершали вместе с классом прогулки в эту замечательную долину. И по сей день я вспоминаю о Кессельском луге, о том как мы собирались вокруг нашего учителя пения, и пели: “На самом прекрасном лугу, мой дом...”

Автор Maria Gossing-Broschart

+++

В другом номере журнала (март-апрель 1985), на его задней обложке, можно почерпнуть краткую информацию о Кустарниковой мельнице.

Кустарниковая Мельница (DIE STRAUCHMÜHLE)

Она была одной из старейших мельниц города. В наши дни (т.е. до 1945 г.) она уже не работала. За ней (на фото не видно) простиралось Мельничное озеро (или озеро Кустарниковой Мельницы - Strauhmühlenteich), протянувшееся до Осиновой дамбы и Пихтового двора (Tannenhof). Оно, пожалуй, было самым большим среди озер Инстербурга. Через бывший Мельничный ров и речку Чернуппе, вода перетекала в озера Городского парка. В свою очередь Кабанье (Bachenteich), Гавенское, и Замковое озера передавали ее дальше, в реку Ангерапп, через замковый ров, около "Зеленой Кошки" (Замковое Казино), а иначе переполнились бы.

+++

“Insterburger Brief” ноябрь-декабрь 1987

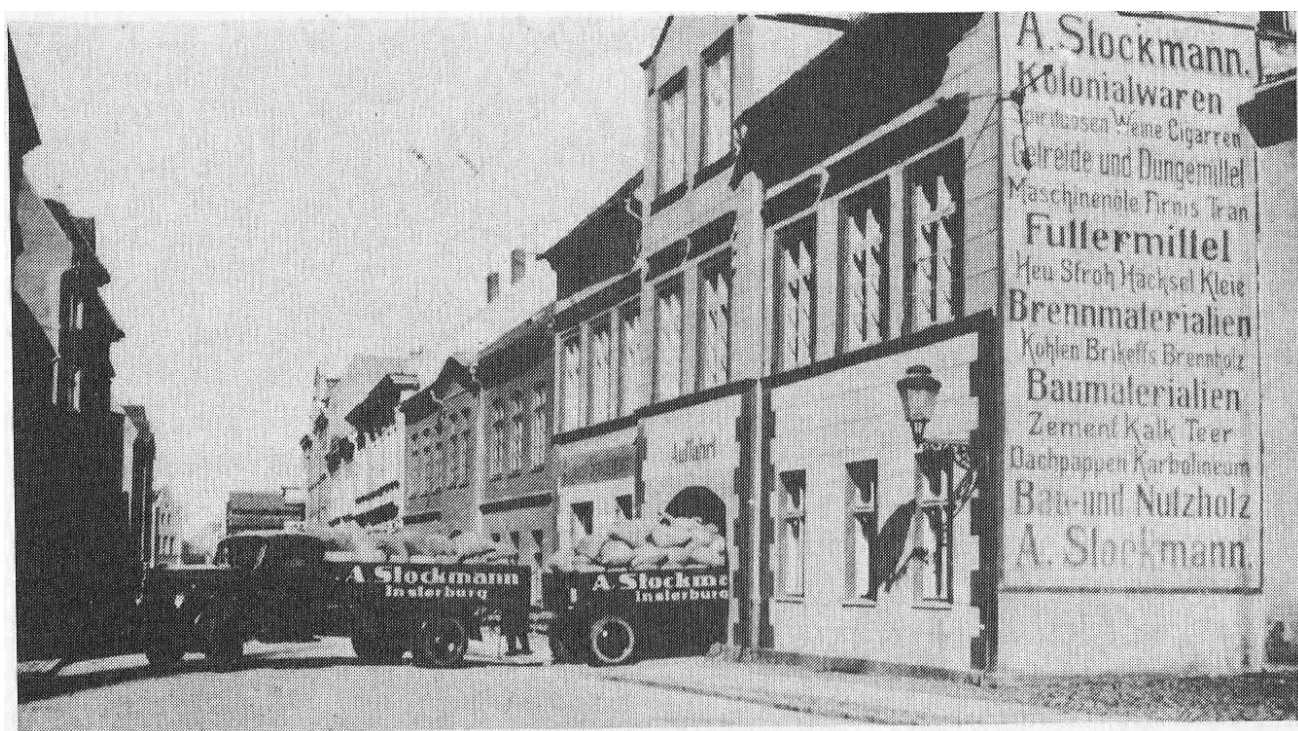
В магазинах колониальных и хозяйственных товаров царил...

ОСОБЕННЫЙ АРОМАТ (Ein ganz besonderer Duft)

Это был очень знакомый запах... но чего именно? Ответить на этот вопрос крайне сложно. Это была смесь особого вида. Так пахли все магазины колониальных и хозяйственных товаров того времени. В центре города — как сказали бы сейчас «сити» - за исключением двух-трех магазинов не было других заведений торговавших колониальными и хозяйственными товарами, да и те именовались магазинами деликатесов или гастрономами. В нашем же магазине, а именно у Августа Стокманна, на Цигельштрассе 10, «пахло» неповторимо. Слева от входа стояла корзина с кнутами, за ней висели веревки для телят, цепи для коров, недоуздки, просмоленные канаты и многое другое. Рядом стояла

железная бочка полная керосина, на которой был установлен ручной насос с измерительной шкалой. Большие бочки с сельдью и кислой капустой (как тогда говорили «квашенной капустой») значительно обогащали общий аромат. Сегодня уже невозможно представить себе подобное расположение товаров. На прилавке (в то время его называли Topbank) стояли большие стеклянные банки с конфетами в пестрой обертке. В многочисленных ящиках за прилавками хранился различный сыпучий товар. При покупке он расфасовывался в мешки и взвешивался на весах. При магазине находился буфет, чей вход был со двора.

Август Стокманн был не единственным, кто держал подобное дело на Цигельштрассе. Примерно в ста метрах от него, на другой стороне улицы, Эдуард Круска владел своим магазином колониальных и хозяйственных товаров, а на углу Кенигсбергерштрассе торговал Рихард Фальтин (позднее его преемником стал Н. А. Кох). На правой стороне улицы, напротив баптистской церкви, можно было видеть четвертый продовольственный магазин у которого, как и у трех других, был свой постоянный двор. Это позволяло крестьянам размещать там свои телеги и лошадей, поскольку в те времена они приезжали в Инстербург на несколько дней. Эпоха, в которую крестьяне приезжали в город на многосильных звездных автомобилях (т. е. Мерседесах) еще не наступила, а Великая война была еще впереди. После ее ужасного окончания ни один крестьянин в нашем краю более не владел собственной землей.

Дабы на постоялом дворе господствовал определенный порядок, транспорт был по возможности наиболее компактно «припаркован» (тогда это было еще иностранное слово), а лошади накормлены и напоены, почти на каждом таком дворе был свой работник, прозванный фактором, но практически всюду их называли «Фридрих», даже если на самом деле его звали Францем, Эмилем или как-то еще.

Персонал магазина: он был исключительно мужской. Завершивший обучение подсобный рабочий назывался «молодой человек», а более опытного работника звали «commis». В некоторых магазинах — но не во всех — один из них, как правило commis, в базарные дни с самого раннего утра зазывал приезжавших в город фермеров и делал им «специальные предложения», приглашая их посетить свой магазин. Он упирал на то, что они смогут закупить там недельный запас продуктов, а также

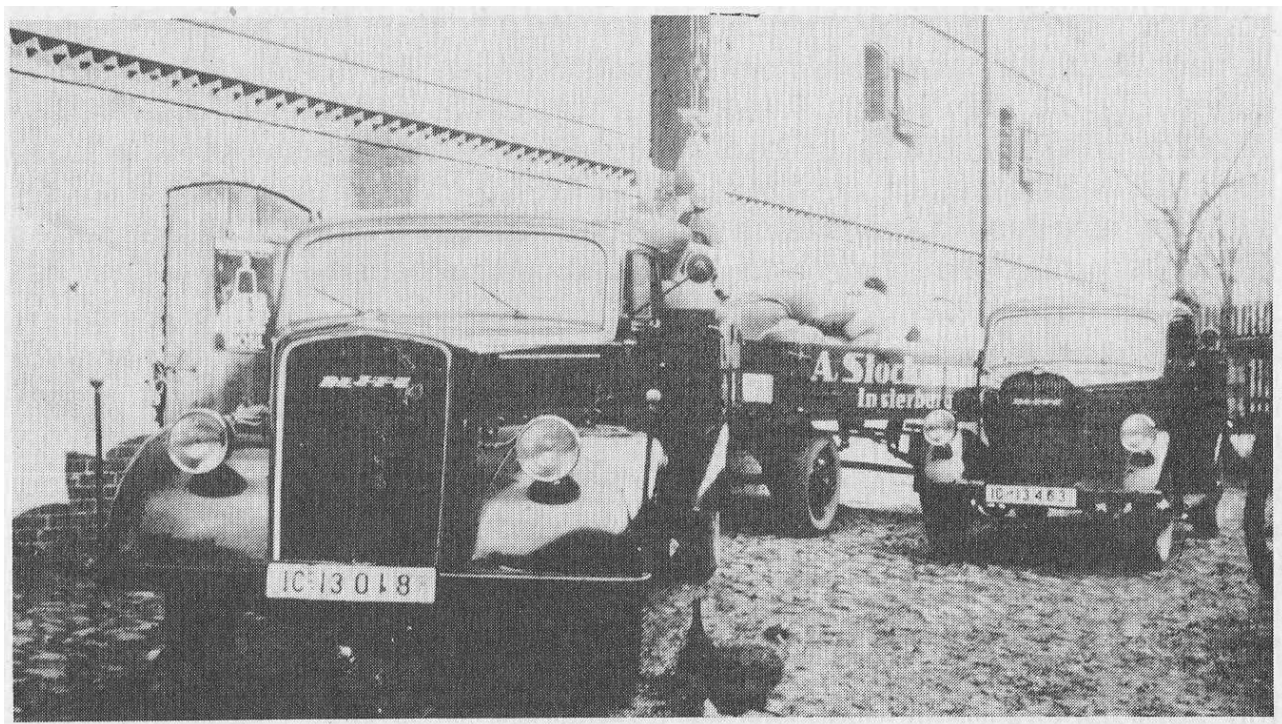
необходимые материалы, такие как инструмент, гипс или цемент. Тем не менее, подобный вид рекламы, как я уже говорил, был освоен не всеми.

В нашем городе было достаточно магазинов с постоянными дворами, некоторые из которых могу назвать по памяти: Хаммершмидта, Пликерта, Фалтина, Хагена, Техлера, Кремпа, Форнакона, и множество других.

Это была краткая попытка обрисовать в общих чертах магазины колониальных и хозяйственных товаров, какими они были до 2 Мировой войны. Среди них был магазин Августа Стокманна на Цигельштрассе 10.

Август Стокманн родился в 1858 году в Сесслакене. После окончания своего обучения на торгового агента в Кенигсберге он вместе со своим другом Бёмом приехал в Инстербург. С ним он арендовал продуктовый магазин госпожи Яхманн. Вскоре после этого Бём занялся собственным делом, тогда как Август Стокманн выкупил дом госпожи Яхманн по адресу Цигельштрассе 10. В 1891 году он женился на Берте Бланк, 1872 года рождения, из Ишдаггена (какой из четырех поселков, носивших данное имя, имеется ввиду, мне не известно. Прим. переводчика). У них родилось пять детей: 3 сына и две дочери. С большим усердием и бережливостью он целеустремленно развивал свое дело.

Во дворе дома на Цигельштрассе появился двухэтажный амбар. За мастерской медника Поленца и дровяным складом пекаря Патабеля он приобрел участок на углу Георг-Фридрих/Флотвелльштрассе, на котором хранил древесину, уголь и строительные материалы.

Ассортимент его товаров был следующим: спирт, вина, табачные изделия, зерно, минеральные удобрения, машинные масла, кормовые — сено, солома, отруби; топливо — уголь, брикеты, дрова; строительные материалы — цемент, известь, смола, рубероид, Karbolineum, строевой лес. Когда 17 ноября 1934 года Август Стокманн навсегда закрыл свои глаза, дело перешло к его сыну Фрицу. Он постарался модернизировать предприятие. Вместо конных повозок были приобретены грузовики для перевозки товара. Со стороны улицы, с правой стороны от магазина, появился трактир

“Nadrauen Zollschanke”, пользовавшийся большой популярностью. Развитие хозяйства двигалось шаг за шагом вплоть до января 1945 года, когда война положила всему конец.

Остались лишь воспоминания... с особенным ароматом...!

+++

“Insterburger Brief” июль-август 1991

Инстербург спустя 45 лет. (Insterburg nach 45 Jahren)

Сегодня я хочу поговорить о своей поездке в Инстербург. Да, я побывал дома. Но как он выглядит? Печально, печально!

От Георгенбурга, что на севере, по мосту через Инстер и Прегель (?), все осталось прежним. Театрштрассе (ул. Л.Толстого) совершенно изменилась. Старый замок стоит в руинах, Замковый пруд весь замусорен. Дальше следует Альтер Маркт (пл. Ленина). Здесь нет ни одного дома, ни магазина. Лютеркирха отсутствует, школа Йордана тоже. Исчезло все, большое пустое пространство. У въезда на Кенигсбергерштрассе (ул. Калининградская в районе ТЦ "Вестер") стоит памятник Ленину с многочисленными флажками по обеим сторонам. Гинденбургштрассе (ул. Ленина) едва узнаваема. Новые здания, кирпичи из кирпича, серые и бесцветные, чередуются со старыми домами, которые уже обветшали и разрушаются. Мостовая — наша беговая дорожка — все еще существует, но как она выглядит? Никаких магазинов с красивыми вывесками. Напротив дома Волленшлагера, газетной редакции (ныне гостиница «Кочар», прим. переводчика), все пусто. Финансовое управление и Католическая кирха на месте. Таким образом я иду на вокзал. В мыслях я частично в прошлом, мои же глаза видят настоящее, мои ноги ступают по старым знакомым камням. Где я? В Инстербурге или Черняховске? Вокзал находится где и прежде, но весь какой-то другой. По крайней мере полностью поменялся его фасад. На высоком постаменте, между Гинденбургштрассе (ул. Ленина) и вокзалом, стоит большой памятник. Черняховский взирает на город, который был нашим Инстербургом. Долго я смотрел на этот монумент. Красивый мужчина размером с поезд. По его приказу город стал таким. Сам вокзал похож, но другой и очень, очень грязный. Из туалетов плохо пахнет, на полу мусор. Люди, которые там задерживаются в ожидании поезда, одеты в серую одежду. При них багаж из старых сумок из картона, бумаги и полиэтиленовых пакетов. Вот я уже стою на платформе. Железнодорожные пути не изменились. Лестница и подземный переход тоже. Долго я стоял и смотрел в сторону Кенигсберга. Отсюда, с этой платформы я уехал в 1945 году и с тех пор не возвращался! До сего дня, в июле 1990 года. Таким образом мои мысли вращаются вокруг прошлого и пережитого. Вокруг людей, которых я знал, с кем жил и работал. Где они теперь? Время поджимало и я пошел дальше. По Вильгельмштрассе (ул. Пионерская) мимо школы Домоводства (Гимназия №2) и Реформаторской кирхи, к почте. Здание почты стоит, однако иначе используется (ныне баня). Нынешняя почта располагается в средней школе Фриды Юнг. Напротив стоит здание Райффайзен-банка. Оно сохранилось, но пустует. Выглядит почти как раньше, только облупилось и серое, как и все вокруг. Я уже хотел было войти, но не решился. Не хотелось привлекать к себе внимание или того хуже. Форхештрассе (ул. Калинина) вместе со зданиями Городского совета, Муниципалитета, и ресторана «Ратскеллер» все еще существует. Ульменплац получила новый сквер. Лестница в «Ратскеллер» сохранилась, вход же изменился, а само помещение используется, как и при нас, в качестве трактира или нечто подобного. Ливень прервал мое путешествие. Крыльцо на углу Форхе (ул. Калинина) и Вильгельмштрассе (ул. Пионерская) спасло меня. Я мирно постоял здесь с русскими, которые также укрывались от непогоды. Затем я двинулся по Кенигсбергерштрассе придя к мосту через Замковый и Гавенский пруды. Мост

показался мне не изменившимся, хотя не хватало ведущей в парк лестницы. На ее месте большая дыра и кусты. Посмотрев направо и налево наблюдаю лишь одичавшую местность. Старого Ландшафтного парка больше не существует; под мостом все еще частично наличествует плотина, но она естественно неисправна. Также отсутствуют дома на Кенигсбергерштрассе. Их место заняли простые серые новостройки. Районный суд прямо передо мной (более известный как "Гестапо"). Его легко узнать несмотря на небольшие изменения. Уходящая вправо Герихтштрассе (ул. Дачная) перегорожена большой свежей насыпью. По левую руку Цигельштрассе (ул. Победы), а прямо Зирштрассе (ул. Калининградская от моста в сторону Калининграда). Если бы я точно не знал, что это Зирштрассе, то не узнал бы ее. Мои глаза начинают искать какой-нибудь ориентир. Справа и слева простые однообразные новостройки. Ничего не напоминает о былом. С правой стороны я узнаю два старых дома. Уланенштрассе (ул. Чайковского) приводит меня к казармам, выглядящим без изменений. Покинув эту улицу, пытаюсь определить место, где стояли дома под номерами 9 и 10 по Зирштрассе (ул. Калининградская). Натыкаюсь на фасад нового здания. Немного дальше, примерно там, где стояли дома 17 или 20 проход, а точнее протоптанная дорожка ведущая к Шёнштрассе. Пытаюсь разыскать там что-то знакомое. Ничего! Последние дома на Шёнштрассе еще стоят. Также старые здания еще присутствуют на Георг-Фридрихштрассе и на Пульверштрассе (в районе переулков Победы). Я возвращаюсь на Зирштрассе. Грустный и разочарованный я иду по улице. Даже старый тротуар разобран и заменен на новый. Далее иду в направлении Кенигсберга. Тротуар заменен совсем недавно и по левой стороне посажены молодые деревца. Зирштрассе больше не существует, теперь здесь новая улица. По Цигельштрассе (ул. Победы) я пытаюсь добраться до Городского парка. Все перегорожено новостройками, земляными насыпями и заборами. Тейхгассе больше не существует. Меланктонкирха исчезла. На ее месте деревянный забор. Через щель я смог разглядеть остатки ее нижнего яруса. На его основании построено скучное здание. Пройдя напротив и наискосок я все же смог попасть в парк. По крайней мере там я нашел старую, известную мне дорогу. В парке ведется активное строительство, уже построена детская площадка. Укрепляется русло ручья из Мельничного пруда. В Гавенском пруду ведутся земляные работы. Там, где стоял клубный дом виднеется какая-то новостройка. В парке сохранились старые дорожки, но изменений много. Прямо передо мной высокая лестница, ведущая к Нойер маркт (пл. Театральная). Как прекрасно, что она все еще существует! Медленно поднимаюсь по кривым и косым ступенькам, но это все еще та самая лестница. Как часто я ходил по ней и все мне здесь знакомо. Оглядываясь вокруг многое узнаю. Маленький мостик, дорожка, ведущая к Цигельштрассе, и другие ориентиры. Конечно кое-что изменилось и здесь. Теперь я на Нойер Маркт. Общественный дом (ныне Дом Офицеров, прим. переводчика) слева, а прямо, как и прежде, площадь и крытый рынок. Лишь с правой стороны новые дома. Время было обеденное и людей на улице встречалось мало. К сожалению я не вошел в крытый рынок о чем сегодня очень сожалею. Но я еще хотел попасть на стадион. Водонапорная башня выглядит как и прежде. Овраги не изменились. Спортплощадка, это наш стадион. Вход несколько другой, а беговая дорожка заасфальтирована. Ресторан практически такой же. Немного другие, пожалуй, стали раздевалки и сидячие места. Теннисные корты исчезли, как и большие деревья слева от входа. Вокруг стадиона установлены перила и простые скамьи. Мои поиски театра под открытым небом не увенчались успехом. На поле шла игра в футбол. А сохранился ли бассейн? Я не осмелился подойти ближе и проверить. На месте театра под открытым небом я нашел одни лишь кусты, после чего сетчатый забор преградил мне дорогу. После 3-4 часов прогулки я постепенно утомился. Следующей моей целью должен был стать Арочный мост. Но сначала на автомобиле, я проехал вдоль Казерненштрассе (ул. Гагарина) до Нового кладбища. Казармы выглядели неизменными, но я не обнаружил Нового кладбища и сада Камней. Вероятно я плохо искал. Более удачливыми оказались поиски Старого кладбища. Но как же там оказалось страшно. Все могилы были вскрыты и разграблены. Повсюду разбросаны кости. Дорожки заросли кустарником. Надгробных камней и

оградок больше нет. Я сумел найти один кусочек надгробия с несколькими буквами, но имени было не разобрать. В кладбищенской часовне царило какое-то оживление, но явно не в христианских целях. Теперь мой путь лежал к Арочному мосту. Мне еще столько всего хотелось увидеть. У старого замка стоит фундамент конной статуи. Я вышел из машины и решил повнимательнее его рассмотреть. Надпись на нем разборчива, но могут ли местные жители ее прочитать? Они ведь знают только кириллицу. На Альтер Маркт (пл. Ленина), у въезда на Гинденбургштрассе (ул. Ленина), я снова покинул машину. Парковочных мест предостаточно, но на улице очень мало автомобилей. Троллейбусной линии более не существует. На том месте, где стояла Лютеркирха сохранились только арочные ворота, ведущие к лестнице и Арочному мосту. Он все еще существует! Как это здорово! Лестница и мост пострадали. Лестница перекошена, в выбоинах, так что нужно быть осторожным. Мост тоже пострадал, но он есть! Долго я стою на нем и вглядываюсь в воду, смотрю на береговую линию, и осматриваю окрестности. Здесь складывается ощущение, что время остановилось. Ангерапп течет тихо и безмятежно. Вода мне кажется более коричневой и грязной, но все остальное как прежде. Я перехожу по мосту на другую сторону. Протопанная дорожка, как я теперь вспоминаю, всегда манила к прогулкам. Отсюда я могу лицезреть бывшую пивоварню. Здесь должны были быть садовые участки, но теперь я ничего не узнаю. Далее мой путь пролегает туда, где раньше было пляжное кафе. Теперь ничего этого нет. Проката лодок тоже нет. Вместо этого в нескольких местах с горы текут сточные воды. Я снова вижу стадион и поворачиваю назад. На обратном пути глаза ищут Лютеркирху. Напрасно, её место пусто. Справа от него возникло новое высотное здание, которое со стороны Прегельштрассе (ул. Прегельная) представляет собой весьма необычное зрелище. Я устал и опустошен. Тем не менее я задержался еще на некоторое время на Арочном мосту. Бросив прощальный взгляд я вернулся к машине и быстро уехал.

Из города, который был Инстербургом, который все еще остается Инстербургом или стал Черняховском. Большая печаль и разочарование постигли меня. Чего ты здесь хочешь, зачем ты приехал? Зачем отправился в дальний путь? Зачем беспокоился? Спустя несколько недель я снова еду! Я должен пройти еще множество дорог. Осталось еще немало улиц, мест, и много-много вещей, которые я хочу разыскать. Увидеть то, что еще не исчезло и то, что ушло.

Автор Marc Schneider

+++

Мы с вами уже побывали в гостях у Августа Стокманна на Цигельштрассе. Теперь, в продолжение темы, поговорим о самой этой улице.

"Insterburger Brief" 11/12 1987

Поскольку мы с вами находимся у Стокманна на Цигельштрассе (Кирпичная улица, ныне ул. Победы), то необходимо сообщить об этой улице, носящей столь скромное имя, несколько больше. Она действительно имела отношение к кирпичам и вела к кирпичным заводам и складам на южной границе города.

По алфавиту она (долгое время) стояла последней в списке, но...

Не последней по своему значению.

Принимая во внимание экономические ресурсы и возможности своих жителей, можно с уверенностью заявить, что она была вполне самодостаточной! То есть, она могла существовать сама по себе, так как населявшие ее люди владели всеми необходимыми для этого профессиями. Там

были продуктовые, булочные, и мясные магазины, портные, сапожники, бондари, токари, садовники, жестянщики, слесари и кузнецы, каретники, плотники, кожевники, маляры, и парикмахеры, и, не в последнюю очередь, пивовары. Да и в случае пожара, чего, к счастью не случилось, в наличие имелась хорошо снаряженная пожарная команда. Две кирхи — Меланктонкирха и Баптистская кирха, предоставляли жителям возможность заботиться о своем духовном благе.

Тем не менее, имея такой потенциал, улица была весьма скромной. В то время как другие улицы нашего города носили имена полководцев, поэтов, и других великих людей, она оставалась Кирпичной. Кроме того, это была одна из старейших улиц Инстербурга. Лишь в тридцатые годы, в списке улиц, она была потеснена с последнего места новыми Соппотерштрассе и Цитенвег. Ее скромность выражалась в том, что она никогда не переименовывалась. А кто хотел жить на Кирпичной улице? Такое название мало кому могло польстить.

Но мы совершим краткое турне по этой искренне любимой своими жителями улице. От Кенигсбергерштрассе (фактически от моста) отсчет начинался с левой стороны, с дома под номером 1. Сначала тут располагалась пивоварня Фрёзе (Froese), затем магазин Колониальных и Хозяйственных товаров, а также конюшня Фалтина, а еще позже бакалейный магазин с акцентом на деликатесы Х.А.Коха.

Дом №2 принадлежал кожевнику Августу Дишнату. Между этими домами находился один из двух переулков (Teichgassen) круто спускавшихся к Гавенскому пруду, имевшему для кожевенного производства большое значение. Дом №3 принадлежал Иоганне Хёльцель, владевшей процветающим мукомольным производством. В доме №4 жила супружеская пара художников Мюллеров, державших небольшой канцелярский магазин. Фактически же хозяин дома по своей профессии был архитектором.

Следующий дом был известен в народе как «чернильница». Очень он был на неё похож: низкий дом с шатровой крышей, в середине которой дымила низкая труба. Он носил порядковый номер 5. Изначально это была «таможня у Кирпичных ворот». Вдоль деревянного забора его сада к Гавенскому пруду вел еще один крутой переулок.

Дом №6 на Кирпичной улице был многоэтажным жилым домом с двумя магазинами на первом этаже. Его заказчиком и владельцем был плотник Герман Шабловски, чье предприятие располагалось на Шёнштрассе (ныне не существует). В одном из магазинов он продавал свою продукцию, а другим владел парикмахер Вильгельм Разем.

Свой цех и магазин имел жестянщик Карл Шлеферайт в доме №7.

Следующим зданием (№8) владел мясник Отто Патабель.

Судебный пристав (?) Карл Пальке был собственником следующего дома (№9). О доме №10 Стокманна уже говорилось (читайте пост №27). Следом за ним находился большой комплекс зданий, построенных в 1890 году под пивоварню Бруна и Фрёзе, называвшейся также «Немецким Пивоваренным Заводом». В примыкающих к улице домах первоначально жили работники пивоварни. После произошедшего в 1917 году роспуска пивоварни, в которую также входил «Городской Пивоваренный Завод» на Беловштрассе, вместе с пивоварней Бернекера и Замковой пивоварней, в зданиях разместилась проволоочная фабрика Малка, Хюта и Тура, а также Восточнопрусская колбасная фабрика.

На участке дома №13 пекарь Франц Хазенбайн держал процветающую кондитерскую, в которой можно было приобрести также и «обычные» хлебобулочные изделия. Здесь же находилась квартира пастора Фридриха Ратке. На дочери этого священника, Мие, кстати, женился второй сын Августа Стокманна, Эрих. Он был ландратом (государственным советником) Хйнриксвальде. На следующем земельном участке, принадлежавшем баптистской общине, в 1896 году была торжественно открыта «Баптистская Кирха». Там же находилась и квартира её проповедника. Оттилия Брюхерт, вдова, упоминается в качестве собственницы дома №15 в адресной книге, а Эльма Руддикеит владелицей дома №16.

Дом №17 был уже городской собственностью.

До этого места все земельные участки с их домами шли вдоль Гавенского пруда. Отсюда же начиналась Долина Стрелков или городской парк, раскинувшийся вплоть до конца улицы. Сразу за домом №17 в долину круто спускалась дорожка. Примерно на середине от нее ответвлялась, скрытая в кустарнике, «Тропа Помолвленных». Другая, выложенная плитами дорожка, вела к склону позади Пожарной части и электростанции, доходя до мемориала «Германия». Отсюда вправо дорога непосредственно вела к перрону узкоколейной железной дороги, тогда как дорога прямо уводила к Кляйнбанштрассе и туннелю.

Но теперь мы уже проделали приличный путь по Кирпичной улице. Итак, идем назад, заметив при этом, что вышеупомянутые дорожки, ответвлявшиеся от Кирпичной улицы, сходились вокруг небольшой и примитивной детской площадки в Долине Стрелков.

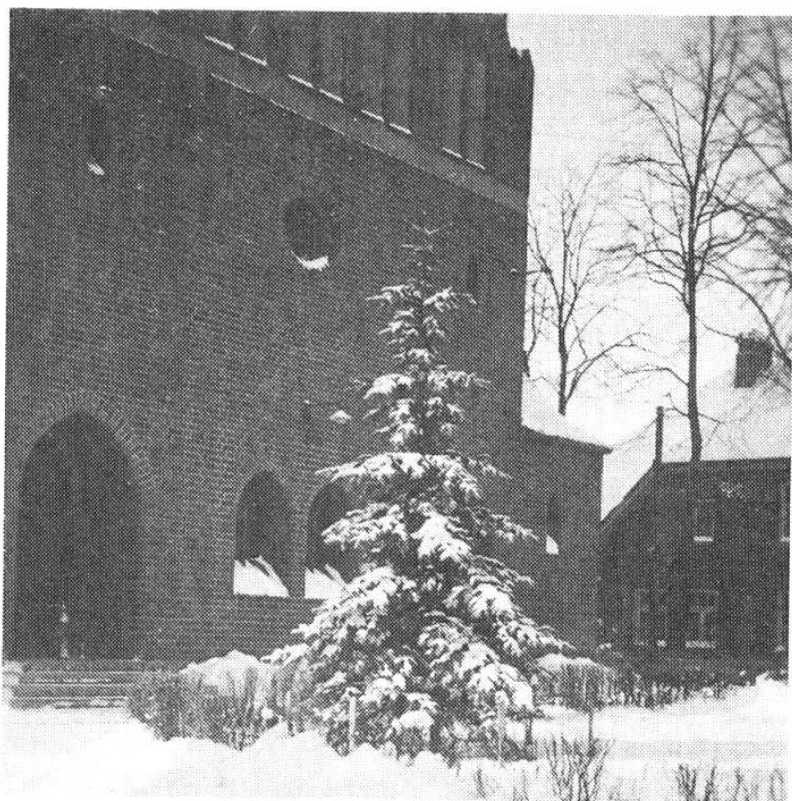
К Кирпичной улице относились участки и дома вплоть до узкоколейной железной дороги. Дома 17а и 18 в основном были предназначены для членов пожарной дружины. За ними начинались рельсы узкоколейки и заканчивался район, известный как «Кирпичные ворота».

На другой стороне улицы, сразу за рельсами, ответвлялась дорога, которая первоначально была известна как «Черная Дорога», но потом получила официальное название Вальдхаузенерштрассе (3-й переулок Победы).

На Кирпичной улице стоял многоквартирный угловой дом (№18а), принадлежавший Ойгену Эйгену. На его первом этаже находился продуктовый магазин Поля Фельса.

Профессии жильцов следующих домов в адресных книгах того времени являют собой красочное лоскутное одеяло: от вдовы генерального инспектора городского управления, кандидата на должность машиниста паровоза, помощника стрелочника, преподавательницы игры на фортепиано, фройляйн (сразу несколько), множество вдов, мальчиков на побегушках, до вагоностроителей и пекарей. По всей видимости, в доме №21 был маленький магазинчик, принадлежавший Кати Йон, а в доме №23 художник Попилат имел свою мастерскую. Фрицу Аугустату, извозопромышленнику, принадлежал дом №24, тогда как вдова Амалия Аудирш была собственницей дома №25. Щеточник и фотограф, жившие в этих домах, дополняли профессиональную палитру жителей Кирпичной улицы. Мясник Швиббе держал здесь свое дело. Также в одном из этих домов был продуктовый магазин, что, к сожалению, не отражено в Адресной книге. Фриц Ридель, бизнесмен из Гросс Варкау (Шишкино), зарегистрирован в качестве владельца дома №26, а кузнец Пауль Норкус дома №27. В этих домах, с большим количеством учеников и подмастерьев, трудились колесник Литти, а также кузнец и каретник Герман Норкус. К ним можно отнести также маляра и лакировщика Синнекера. Эти три предприятия выпускали кареты всех видов, от простых рабочих телег, до элегантных ландо. За кузницей Норкуса начиналась Пульверштрассе (2-й переулок Победы).

На территории между Пульверштрассе и Георг-Фридрихштрассе (остаток улицы ныне именуется 1-й переулок Победы) в 1909-1911 годах была построена Меланктон-кирха. Она обошлась в 150000 марок и имела башню высотой 50 метров. Она была построена под руководством каменщика и плотника Остеррохта.

Меланктонкирха на Кирпичной улице имела свою рождественскую ёлку. Красивое дерево росло на части газона перед входом в храм.

Пудлас.

О предприятии по торговле Колониальными Хозяйственными товарами, коим владел Эдуард Круска (дом №31), уже упоминалось. Во дворе судебного пристава Кунерта располагался склад заложенных вещей, в котором он устраивал также и аукционы. Предприниматель Эдуард Круска был зарегистрирован еще и как владелец соседнего дома (№31а). Здесь начиналась или, если угодно, заканчивалась, Шёнштрассе (ныне не существует). На другой стороне улицы, прямо напротив «чернильницы», стоял похожий маленький домик, в котором Иоганна Лир на протяжении многих лет держала небольшой магазинчик по продаже молочных продуктов. В соседнем с ней помещении располагалась прачечная — естественно ручная. Её услугами пользовались многие домохозяйки «нижней» части Кирпичной улицы. Сам дом принадлежал городу.

Дом №37 принадлежал мяснику Эрнсту Йозефу, который здесь же держал свой магазин. Рядом с ним стоял многоэтажный жилой дом №38, которым владел Вилли Хейслер, плотник. На первом этаже у парикмахера Скоблина был свой «Салон», а в других витринах, выходящих на улицу, плотник Хейслер выставлял свою продукцию.

Элла Кнуп и Хедвиг Куниш из Берлина зарегистрированы в качестве владельцев дома №39. В адресной книге это был последний дом на Кирпичной улице. Можно вспомнить, что в этой части

Помимо нее, возле Георг-Фридрихштрассе, возник дом священника (№28), в котором жил пастор Федтке.

Амалия Поленц в Адресной книге была зарегистрирована в качестве владелицы дома №29. У медника Рихарда Поленца здесь был свой цех, а в задней части дома сапожник Макс Коллин по “индивидуальному заказу” шил туфли и сапоги. В соседнем здании (№30) у художника Луиса Бергера была своя маленькая мастерская, которую он затем сдал кондитерской фабрике Спарманна с Вильгельмштрассе, который устроил здесь небольшой магазин. Сам дом принадлежал старшему судебному приставу Мартину Штанику. В следующем доме (№30а) пекарь Патабель владел небольшой, но процветающей, пекарней, которую после его смерти приобрел пекарь

улицы было еще одно здание, в котором некоторое время находился продуктовый магазин, а также мастерская слесаря Ойгена Дица.

Угловой дом с магазином парфюмерно-галантерейных и аптекарских товаров (Фриза, Меркса, Пильзекера) по всей видимости относился уже к Кенигсбергерштрассе, так как он не отражен в Адресной книге, в списке домов на Кирпичной улице.

Вот и все, что касается Кирпичной улицы и ее жителей. В хорошем состоянии сохранилась лишь Меланктонкирха (?!), тогда как ее жители разбросаны по всему свету.

+++

"Insterburger Brief", 3/4 1988

И снова...

Возлюбленная Кирпичная Улица

В «последнем» рождественском выпуске Писем из Инстербурга за 11/12-1987, на странице 203, основой для обсуждения улицы послужила главным образом Адресная книга за 1937 год. Помимо владельцев домов, в ней были перечислены их жители, с указанием их профессий. С самого начала было ясно, что старые жители улицы могут помнить множество более точных подробностей и деталей и это необходимо принять во внимание.

Жительница Кирпичной улицы Хильдегарда Вейсс-Насс, проживающая теперь в Целле, на Хостманнштрассе 22, к счастью, обратила внимание на некоторые спорные моменты, возникшие при исследовании этой улицы. Она пишет:

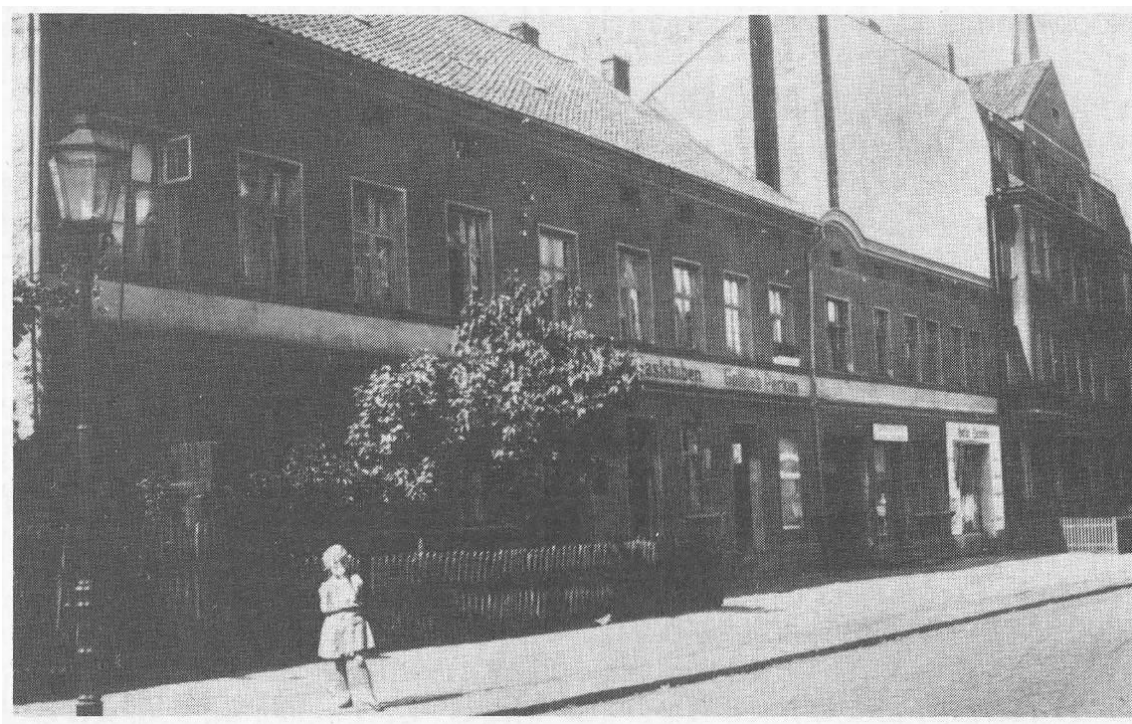
Дорогие читатели с Кирпичной улицы — В рождественском номере Писем из Инстербурга наша Кирпичная улица была описана весьма красиво и ярко. Из прошлого к нам вернулось множество имен мастеров и владельцев домов. В своих мыслях я прохожу от дома к дому и замечая, что во время описания верхней части Кирпичной улицы возник пробел, в котором отсутствуют 4 дома. Поэтому сейчас я хотела бы прогуляться вниз по Кирпичной улице от углового дома у начала Вальдхаузенерштрассе (ранее Черная Дорога), в котором у Поля Фельса был свой бакалейный магазин, и пригласить с собой всех желающих.

От упомянутого углового дома начинался длинный сад, пролежавший позади дома №19. Этот не упомянутый участок с домом принадлежали слесарю Нойбауеру, у которого там же была своя мастерская. Его дочь была моей преподавательницей игры на фортепиано. Этот довольно большой участок вместе с садом тянулся почти вплоть до Пульверштрассе. Позже стекольщик Науманн, если я правильно помню его фамилию, также обзавелся там своей мастерской. Следующим по счету шел дом №20, в котором я родилась и выросла. Его владельцем был Адольф Насс. Сапожник Бершински держал здесь свою маленькую мастерскую. Мы, дети, всегда были в курсе событий и знали, когда сапожник показывал свой нос из мастерской. Тогда мы быстро бежали к нему и тот, кто успевал первым зачастую получал от него задание принести кожи из магазина Кройцберга. Плата за доставку составляла — диттхен! За это можно было и побегать. Чего только можно было купить за диттхен: 2 миндальных печенья в пекарне Хазенбейна, кусок торта или круглый леденец, 2 волшебных пакетика или, или, или... Но теперь я уже начинаю плутать в своих воспоминаниях... Вернемся к дому №20, в котором когда-то также имелся маленький бакалейный магазинчик, чей владелец Адольф Насс впоследствии передал свое дело Эмилю Бандилле. После его ухода сюда

переехал парикмахер Шабловски, а затем мастер Штернберг, занимавшийся пошивом одежды. В конце концов это помещение стало частной квартирой семьи Валлат. Во дворе тогда находилась слесарная мастерская Густава Крука, которую было видно с улицы. У столяра Эмиля Грасверма также был там свой цех. Мой брат Эвальд, кстати, учился у него столярному мастерству.

Следующий дом, пятиэтажный, нес номер 21. Внизу у него располагался мясной магазин. По моим сведениям его владельцем сначала был мясник Хюбнер, который, однако, впоследствии продал этот дом. У мясника Хюбнера была корова, а может и несколько коров — точнее я не знаю, поскольку я была тогда еще маленькой Маржелл. Но я еще помню, что каждый день носила его молоко, которое он продавал на кухне своей квартиры на четвертом этаже. Конечно я знаю и других инстербуржцев, живших по соседству в то время. Преемником Хюбнера стал мясник Густав Швиббе, который позднее переехал на несколько домов дальше. Мясник Сперлинг занял его место в доме №21. Они все делали великолепный колбасный суп и кровяную колбасу. Их вкус до сих пор чувствуется на моем языке. В те времена это была «пища бедняков». Но она была восхитительна! Когда Сперлинг переехал, помещение магазина занял парикмахер Шабловски, который до этого жил в доме №20. Он сочетался браком с Кати Грасверм, дочерью столяра.

В доме №21 располагался также магазин Кати Йон, который позднее перешел к Артуру Хорну. Небольшой дом №22 примыкал к большому №21. У обоих домов был небольшой палисадник. В №22 жила моя подруга Кристель Альбрехт, чьи родители были владельцами дома. Кто из жителей Кирпичной улицы не знал «Эллу», бедную сумасшедшую, которую называли «Оригиналом»? Будучи жестокими, равно как и все дети, мы притесняли эту несчастную до тех пор, пока не довели ее до бешенства, после чего были вынуждены давать деру, дабы не получить взбучку — что было бы совершенно справедливым для нас наказанием. В доме №23 жил художник Попилат, а внизу находился бакалейный магазин (как сегодня говорят — продовольственный) Эрнста Книшевски, в который вели несколько ступенек. Это было преуспевающее предприятие.

Середина Кирпичной улицы, дом №25 с заведением Готтлиба Перкуна. На другой стороне улицы находится Баптистская кирха.

У этого дома был большой двор. Здесь шорник и обойщик Август Ацпадин имел свою мастерскую. В доме №25 располагалась таверна, владельцем которой был Готтлиб Перкун. К этому периоду относится фотография.

Позднее таверна превратилась в молочный магазин, в котором продавались очень вкусные Glumskäschen. У мясника Швиббе, чей магазин находился по соседству, были замечательные колбасы.

Вот и все мои дополнения, дорогие граждане Инстербурга. Дороги воспоминания о молчаливых, почти забытых домах, в чьих стенах жили, любили, плакали и смеялись, где рождались и умирали, где был свет и тень.

Я попыталась возродить их к жизни в своих воспоминаниях, хотя бы на бумаге. Возродить все, что однажды дала нам... наша любимая Кирпичная улица. И она ни в коем случае не была последней... Хильдегарда Вейсс-Насс

+++

Insterburger Brief, сентябрь/октябрь 1986 года.

На велосипеде по дороге памяти...

Прощание с Инстербургом (Abschied von Insterburg)

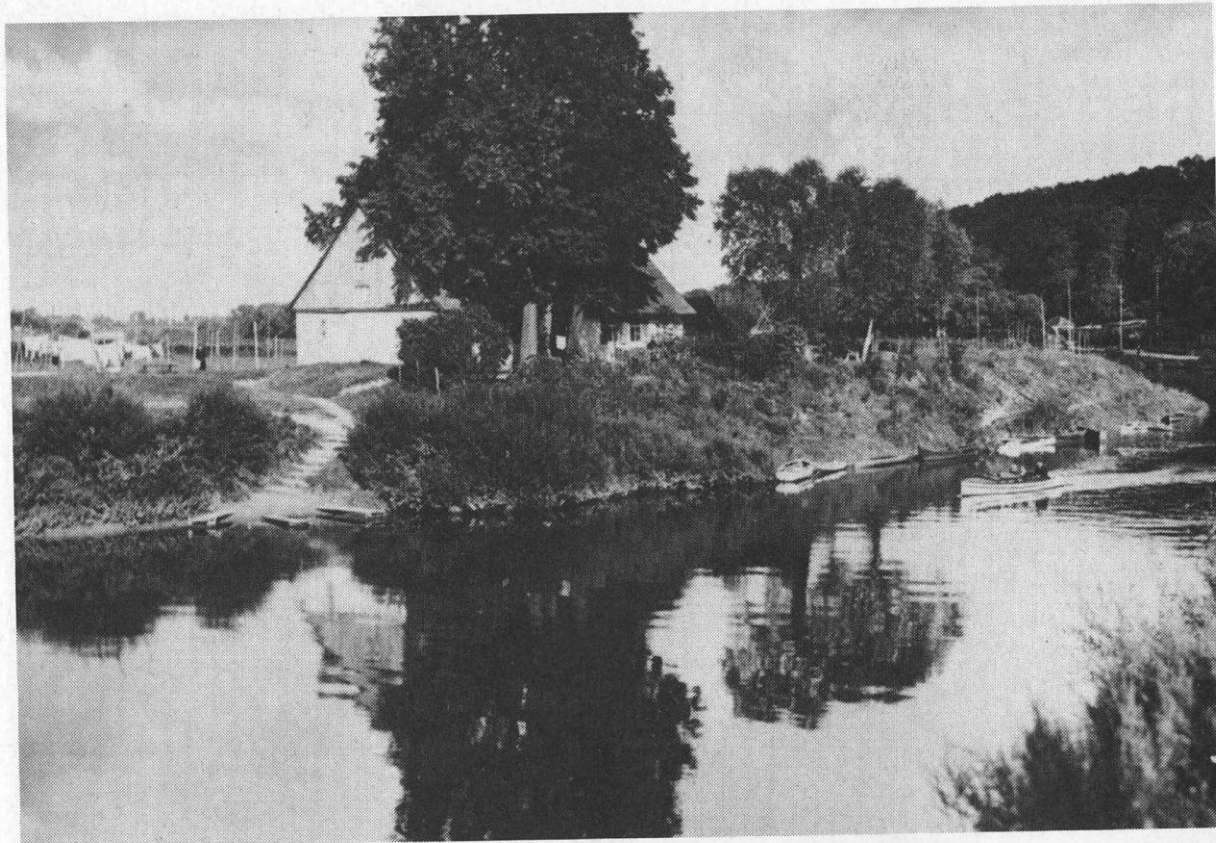
Это было лето 1944 года. Время моей трудовой повинности подошло к концу и я со дня на день ожидал призыва в армию, в унтер-офицерскую школу Люфтваффе.

Тот, кто еще помнит те времена и обстоятельства, тот знает, что мы, мальчишки 17-18 лет, стремились попасть в армию и на фронт. Мы считали, что упустим что-то важное, если опоздаем. Так мы были «мотивированы» - как сказали бы сегодня. Мои товарищи по школе и планерному клубу в большинстве своем уже были призваны в армию или занимались строительством укреплений на границе. Среди них были Хорст Вестфаль, “Юный” Тиль с Квандельштрассе (ныне ул. Гоголя), Гюнтер Вайновский с Казерненштрассе (ул. Гагарина) и Хельмут Виланд с Торнерштрассе (ул. Московская). “Юный” Тиль, которого призвали в полевые части Люфтваффе, был отправлен туда еще неделю назад. Про меня военный комиссариат, по всей видимости, забыл. Без своих школьных товарищей и приятелей я чувствовал себя лишним и покинутым. Но мои дни, конечно, уже были сочтены. Наш родной город в том году очень хорошо прочувствовал, что такое война. Поэтому меня мучило кошмарное предчувствие, что я не найду его прежним, когда закончится моя военная служба. Таким образом я снова решил прокатиться на велосипеде по Инстербургу и его окрестностям, и запечатлеть их на свою камеру 4-Mark-Box (кто не помнит: фотофирма AGFA выпускала такие простенькие камеры).

Из нашей квартиры на Кальвинштрассе (ул. Госпитальная) я добрался через Гинденбургштрассе (ул. Ленина) до Альтен Маркт (пл. Ленина). Там я медленно совершил круг почета вдоль старых магазинов, таких как Дауме, Бренделя, Швайгера, Эфы, Гутовски, Симона и других. Далее мимо «Рейнского Двора» и ратуши, вернувшись к Лютеркирхе. Здесь, как я помню, на площади между кирхой и магазином Дауме, вскоре после начала Русской кампании, были выставлены советские танки, пушки, а также множество другого трофейного оружия для всеобщего обозрения. Мы мальчишки целый день вертелись на этой выставке, на которой нас более всего, конечно,

интересовали танки. В самой же Лютеркирхе, годом ранее, я прошел обряд конфирмации, проведенный пастором Больцем.

От арки в стене, что располагалась позади Лютеркирхи, стоя лицом к лестнице, ведущей к Ангераппской долине, я еще раз наслаждаюсь видом на реку, несущую свои воды к Прегельтору и «Крушкебергу» (гора Крушке), которая когда-то была кладбищем, на котором нашла место своего упокоения «Аннхен из Тарау». Вдалеке виднеется дорога на Каралине с новостройками казарм и симпатичными домиками «Ангераппской Возвышенности». С правой стороны, так сказать почти у моих ног, виднеется Белильный домик, а за ним, там, где Ангерапп делает изгиб, находится «Пляж Зигера».

Das Bleichehäuschen am rechten Ufer der Angerapp, sozusagen zu Füßen der Lutherkirche, war ein gern fotografiertes Motiv.

Но теперь я должен спуститься к набережной и арочному мосту. Закидываю свой велосипед на плечо и иду вниз. Сначала я поворачиваю налево к складу лесоматериалов, более известному нам как «Ярмарка», поскольку оные там устраивались каждую весну и осень. Я все еще помню, как там однажды построили лилипутский город, произведший на меня неизгладимое впечатление. Теперь это место было пустынно и лишь несколько брошенных вагончиков, вероятно от карусели, одиноко стояли в углу. В моих же фантазиях все еще вращалась Кошачья карусель, раздавались звуки различных аттракционов, зазывные крики владельцев торговых палаток и детский смех.

Я разворачиваюсь и еду по набережной вверх по течению Ангерапп. Оставив за спиной Арочный мост и вечно грохочущую насосную станцию, я подъезжаю к Ледовому подъемнику Инстербургской Пивоварни. В памяти всплывают воспоминания о суровых зимах и ежегодном «ледовом урожае» пивоварни. На протяжении нескольких недель из речного льда, толщиной почти в полметра, длинными ручными пилами вырезали большие куски, которые посредством Ледового подъемника,

объявлений стадиона вывешивались анонсы футбольных матчей, преимущественно против SVI (Спортивное Общество Инстербурга). Мы, как правило, проигрывали ему, так как SVI всегда находился в лучших условиях.

Немного дальше располагалась удивительно красивая открытая сцена. За ней, на склоне с редкой растительностью, был создан крайне интересный (особенно для ботаников) сад камней, с которого открывался великолепный вид на спортивный комплекс и городской ансамбль с Лютеркирхой в центре.

От сада камней я поехал в Георгенхорст. В бывшем усадебном парке (имеется ввиду усадьба Ленкенинген), подвергшемуся реконструкции, стояла бронзовая статуя оскалившегося волка, в натуральную величину. Собственно в самом парке, под кронами высоких и древних деревьев, находился Городской бассейн. Здесь проводились ежегодные школьные спортивные праздники по плаванию. Здесь же мы сдавали нормативы или просто прыгали с вышки, катались с водяной горки, ныряли и плавали как рыбы. Общественную купальню на реке, мимо которой я проехал во время своей поездки, нам детям позволяли посещать только в сопровождении взрослых или вместе со школьной группой, так как течение здесь было довольно сильным и, следовательно, опасным. Затем я пересек мост узкоколейной железной дороги, а через несколько метров от него железнодорожный мост. Примерно в 100 метрах далее пешеходный мостик над рекой вел непосредственно в «парк для пикников» Люксенберг. В 1931 году я принимал участие в экскурсии устроенной туда воскресной школой. Моя мама одела нас — двух моих братьев и меня — в чистые матросские костюмы, бывшие тогда в моде. К ресторану — расположенному на высоком берегу — вела длинная лестница, вдоль которой находилась горка. Подложив под себя мешок можно было кататься с нее вниз, что мы с радостью и проделывали.

Моя дорога снова провела меня по пешеходному мостику к железнодорожной насыпи, протянувшейся позади трибун Турнирного поля с его скаковыми дорожками и вспомогательными строениями, а дальше к так называемой «Ротонде» с бронзовой статуей «Констанции», племенной тракененской кобылы.

Я направился в сторону площадки для игры в поло, но перед военным мостом свернул на набережную, огибавшую «Мертвый Рукав» (Toten Arm - так, по всей видимости, называли бывший изгиб реки в районе Нового Кладбища, после того, как река еще в конце 30-х годов обрела новое русло) и ведущую к прибрежным высотам «Нового Кладбища». Подъем наверх на велосипеде оказался варварским занятием и я хорошенько намучился. Однако, вид, открывшийся оттуда на Турнирные поля, только что посещенный Люксенберг, военный мост с частью армейского плаца, стрельбище стрелкового общества, а также новостройки вдоль шоссе на Каралене, был потрясающим.

Спускаться на велосипеде по крутому склону я посчитал неосмотрительным и посему выбрал извилистый маршрут за кладбищенскими заборами до городского садоводства, доехав до Цитенской дороги (ул. Ипподромная). Стремительный спуск по асфальтированной дорожке был почти наслаждением после мучительного подъема. Вскоре я снова оказался у военного моста, а затем на нашей обширной игровой площадке.

Между заросшими лесом склонами на западной стороне и перед деревней Ангерлинде, где находилась роща со «Старой Липой», мы часто летали на своих планерах. То ли в 1942, то ли 1943 году, в «День Армии», наш Инстербургский Планерный клуб взлетел со склонов Ангерлинде и совершил демонстрационный полет. В то время я был горд, что был одним из

пилотов, да и к тому же уже имел и лицензию пилота. Приземлился я в тот день рядом с рощей со «Старой Липой».

Моя прощальная экскурсия затянулась, так как я дольше запланированного задерживался в различных местах, предаваясь своим воспоминаниям. Я прошел с велосипедом по пешеходному мосту, ведущему в Камсвикен, о чем загородном ресторане «Голодный Волк» уже упоминал. После, без остановок, проехал через овраг и вскоре оказался у входа на кладбище, а затем у городского садоводства. По левую руку мимо меня проплыли дома Пестрого ряда, затем я пересек мост над железной дорогой и очутился на Казерненштрассе (ул. Казарменная, ныне ул. Гагарина), которая полностью оправдывала свое название.

Слева я еще раз поприветствовал свою старую школу Песталоцци, после чего вскоре достиг Водонапорной башни — чем, собственно, и завершил свое мемориальное путешествие. Это был прекрасный, полный воспоминаний, день, который я никогда не забуду, даже если фотографии, которые я сделал на свою камеру, и не соответствуют технически современным требованиям качества. В конце концов мой фотоаппарат был несколько больше, чем просто «беспристрастной камерой» или, как раньше выражались «камерой обскура». К тому же снимки не могут быть совсем плохими, поскольку они напоминают нам о нашем Инстербурге, а для меня, нажимавшего на спуск затвора, особенно.

Лотарь Хинц / Lothar Hinz

+++

"Insterburger Brief", март/апрель 1985

Так я приехал в Инстербург (So kam ich nach Insterburg)

Наш земляк, Гельмут Шмидт, написал три интересных эссе для Писем из Инстербурга, а помимо них еще и о своих наблюдениях во время пожара в гимназии и своих переживаниях во время последних недель пребывания в Инстербурге поздней осенью 1944 года. Следуя хронологии событий мы хотим начать с доклада о его школьных годах в Инстербурге. «Я родился и вырос в Киселькейме (Константиновка), по соседству с Неммерсдорфом, получившим свою печальную известность осенью 1944 года.

Мой отец был там кирпичником. Сам он приехал из района Бартенштайна, где его отец и дед также занимались изготовлением кирпича. Этим ремеслом занимался и брат моего отца, то есть мой дядя. Он был кирпичником в Каукерне (Загорьевка), около Стригенгрунда (Пелленинген, ныне Загорское) и я охотно вспоминаю о прекрасных выходных, которые проводил у него. Другой брат моего отца был кирпичником в Ной-Велау (Денисово), возле Велау (Знаменск). Все трое работали на различных кирпичных заводах Восточной Пруссии, в том числе в Ауловонене (Калиновка), Грюнхофе и Амалиенхофе (оба в черте города Черняховск). Их имена то и дело всплывают во время различных разговоров. В Таммау (Таммовишкен, ныне Тимофеевка) жили две моих кузины. В самом городе жили две тети, а точнее в построенном после 1 Мировой войны Шприндте, на улице, «у пруда». Все это связывало меня с городом и районом Инстербурга.

После того как я окончил начальную школу, родители решили отправить меня в Инстербург, для получения дальнейшего образования. Основная причина заключалась в том, что, во-первых моя матушка жила там некоторое время, а во-вторых тому способствовало относительно хорошее транспортное сообщение. От нашей станции Хохенфрид (Спирокельн, ныне часть села Столбовое,

Озерского р-на) до Инстербурга было всего 25 километров, то есть полчаса езды. Так я был определен в среднюю школу для мальчиков на Альбрехтштрассе, в Инстербурге. Это напомнило мне о том, что весь период своего обучения я заходил в школу через двор со стороны Луизенштрассе. Главный вход с Альбрехтштрассе в мое время был завален горами макулатуры, железного лома и вонючих костей, которые нам приходилось собирать. Поскольку родители посчитали, что поездки поначалу будут слишком утомительны для меня, то они отправили меня на один год жить к тете в Шприндте.

Это тоже был не совсем идеальный вариант, так как поселок находился довольно далеко на городской окраине. Но я получил проездной на автобус, желтого цвета, размером с почтовую открытку и своей фотографией на нем. С ним я отныне мог ездить на автобусе от угла Питомника до Альтер Маркт. Позже, во времена хаоса конца войны, этот билет оказал мне неоценимую услугу, если не спас саму жизнь. Благодаря ему я смог убедить солдат красной армии, что являюсь еще подростком, а не солдатом, несмотря на свой рост в метр восемьдесят.

Для меня теперь наступило славное время. Моя тетя, у которой я жил, приютила у себя свою сестру, у которой не было детей. Мой дядя был солдатом. Тетя была служебнообязанной, как тогда говорили, и должна была вторую половину дня работать в газете на Кенигсбергерштрассе. Таким образом, я мог свободно гулять по городу, если школьные задания были выполнены, и, как я полагал, разведал каждый его уголок.

Сначала я неспешно изучил Георгенбург, находившийся в пределах видимости от Шприндта. Затем я побывал на другой стороне города и наблюдал с «Чертова моста» за передвижениями маневровых паровозов на товарной станции, а в другой раз побывал в Ведомстве по вопросам соцобеспечения (Фридрихштрассе 7, ныне ул. Театральная). Рядом с Иммельманнштрассе я, сквозь щель в заборе, разглядывал еврейское кладбище. В связи с этим мне вспомнилось, что я видел горожан-евреев подметавших улицы с желтыми звездами, нашитыми прямо на драгоценные меха. И я очень хорошо помню престарелую даму, державшую за руку ребенка с такой же звездой, покрывавшей всю его грудь. К сожалению, в Инстербурге такое тоже имело место.

Я излазил городской парк от «малого пруда» до Замкового. Особо охотно я гулял по спортивному парку в оврагах. Там всегда было на кого посмотреть: теннисисты, легкоатлеты, футболисты и гандболисты. За состязаниями я наблюдал из крон деревьев, поскольку у меня не доставало карманных денег для покупки входного билета.

Больше всего хотелось осмотреть Старый замок на Театрштрассе (ул. Л.Толстого). К сожалению, у меня это не получилось, так как там был размещен лагерь для военнопленных. Поэтому я так и не решился проникнуть в замковый двор.

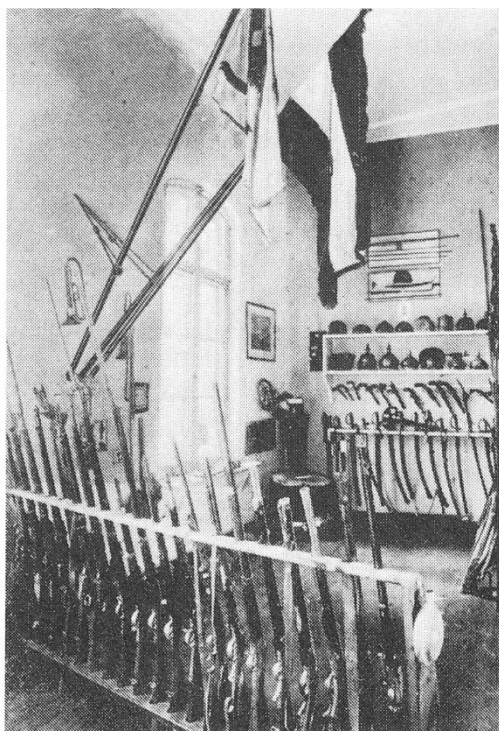
Путешествия к Ангерапп привели меня к газовому заводу, плотине и порту. Если наш школьный день заканчивался раньше обычного, то в базарные дни я бегал на крытый рынок и смотрел, чем торговали в его многочисленных киосках.

Я подолгу задерживался перед витринами. Особенно меня интересовали книги и чертежи по моделизму, а в предрождественские дни меня влекло в магазин игрушек Хейсера на Кенигсбергерштрассе.

То был прекрасный, богатый на события, год, проведенный мной в Инстербурге. Школа не особо ограничивала меня. Я не был выдающимся учеником и всегда оставался середнячком. Какой-то крепкой школьной дружбы, к сожалению, не сложилось, да и жили мы

слишком далеко друг от друга. Я запомнил уже имена своих одноклассников, за исключением лишь некоторых. Одного из них звали Спиткат. Он жил в Прегельторе. В хорошую погоду мы вместе ходили домой. Случалось, что мы, балансируя, ходили по боковой каменной стенке Арочного моста. Нашим классным руководителем на первом году обучения была госпожа Хоффман, а позднее госпожа Бусалла. Из учителей мне запомнились фамилии Кляйн и Хаасе, оба уже немолодые. Господин Хаасе был частенько довольно нервным - «Садись, ты болван — семь!» (Система оценки знаний в Германии шестибальная, причем единица это отлично, а шесть отвратительно. Соответственно, оценку семь можно приравнять к нулевому результату) Биологию и географию у нас время от времени вел господин Симон (Симонейт?). Также у нас был учитель рисования и его, кажется, звали Сирс. Его царство располагалось наверху, рядом с актовым залом. У него мы строили модель Альтер Маркт из деревянных брусков с бумажными фасадами, склеили, в качестве классной работы, по 50 конвертов, а для школьной хроники я нарисовал пару картинок.

Летом 1942 года я знал город уже настолько хорошо, что мог подрабатывать экскурсоводом на каникулах. Случилось это следующим образом: Во время своих прогулок я часто проходил мимо Старого замка. На нем висела вывеска «Краеведческий Музей». Я бы с радостью посетил его, но, к сожалению, он был открыт только по воскресеньям. Я уговаривал свою маму, пока она не позволила мне и моему брату отправиться в город в воскресенье (так как на выходные я уезжал домой). Вместе с нами были два мальчика из нашей деревни, которые никогда не были в городе и не ездили на поезде. Когда поезд тронулся, они оба неподвижно застыли сидя в купе и весь день находились под впечатлением от поездки.

Zwei Bilder vom Insterburger Heimatmuseum im Alten Schloß. Links der Flaggen- und Waffensaal.

Оружейный и Знаменный залы Инстербургского Краеведческого Музея

Сначала я отвел их по Казерненштрассе (ул. Гагарина) в городской сад. Там мы осмотрели маленький зоопарк и аквариум, а также теплицу с экзотическими растениями. В оврагах мы сделали перерыв на поздний завтрак, съев припасенные из дома бутерброды. После этого отправились в Старый замок. Нам повезло, что музей оказался открыт. Около лестницы стояло чучело лошади в древней сбруе. На

верхнем этаже нашему взору предстали предметы давно прошедшего времени. Когда я вспоминаю об этом сегодня, то понимаю, что тот визит в музей для меня оказался в своем роде ключевым. Теперь я не могу пройти просто так мимо какого-нибудь музея и не зайти в него. Конечно я не все их помню, поскольку за более чем сорок лет, минувших с тех самых пор, я их повидал по всей Европе огромное количество. И все же инстербургский музей до сих пор сохранился в моей памяти. Я вспоминаю высокие, светлые залы, занимавшие юго-восточный угол Старого замка и устаревшую по современным меркам расстановку экспонатов. Все было свалено в кучу. Там, на высоких стойках, стояли винтовки самых разных видов, висели красивые старые мундиры, в витринах выставлены находки, найденные во время раскопок каменного, бронзового и железного веков. Я все еще помню название деревеньки Норкиттен (ныне Междуречье), возле которой был обнаружен могильник бронзового века. Я дивился, разглядывая очень старое и изъеденное ржавчиной железное оружие, помещенное в отдельный стеклянный футляр.

Мы рассмотрели все очень подробно и смертельно уставшие вернулись домой. С лета 1942 года я уже ежедневно отправлялся в школу из дома на поезде. В то время у нас стали проводиться занятия по конфирмации у пастора Федтке, проводившиеся в зале Меланктонкирхи на Цигельштрассе (ныне ул.Победы).

На меня производило большое впечатление, когда звонили колокола католической кирхи на Гинденбургштрассе (ул. Ленина). Я также помню о своих бесславных попытках стать скрипачом в Инстербургском городском оркестре, игравшем в Городском зале, а также о курсах попрошайничества с моим другом, который был страстным радиолюбителем, и попытках посмотреть запрещенные для детей фильмы в трех городских кинотеатрах.

Тем не менее, я хотел бы завершить на этом мое повествование и процитировать Ханса, графа Лендорфа: Это был «мой год Инстербурга».

Это было замечательное время, счастливый симбиоз между городом и глубинкой, подаривший мне юность, с которой я не желал бы расставаться!»

Гельмут Шмидт

+++

Продолжение воспоминаний Гельмута Шмидта

Одиссея 1944 (Odyssee 1944)

В начале июля 1944 года мы получили свои свидетельства и беспечно отправились, несмотря на приближение восточного фронта и успехи союзников во Франции и Италии, на летние каникулы. Никто тогда не подозревал, что наши прекрасные школьные дни закончились и мы более никогда не встретимся как класс.

Бедствия начались уже через несколько дней после начала каникул. Я получил от руководства Гитлерюгенда повестку, в которой мне приказывалось прибыть на следующий день с лопатой, одеялом, посудой и прочим в центр Гумбиннена для строительства укреплений. Я был послушным и явился в назначенное время, после чего с товарищами был направлен в Литву для рытья окопов. Примерно через 14 дней советы предприняли новое наступление и мы были вынуждены бросить только что построенные позиции.

Когда Инстербург в конце июля пережил свой первый тяжелый авиа-налет я уже был дома у своих родителей. С безопасного расстояния мы наблюдали яркие вспышки от бомб и кроваво-красное зарево пожаров в городе. Мы видели яркие осветительные бомбы и маленькие облачка от взрывов зенитной артиллерии, выискивавшей своими прожекторами в небе вражеские самолеты. Спустя несколько дней (мой отец тогда был также откомандирован на строительство укреплений) я снова должен был прибыть в Гумбиннен и на этот раз был отправлен в окрестности Растенбурга (Кентшин, Польша). Там, в Виндкейме (Виндикайм, Польша) и Реймсдорфе (Славково, Польша), неподалеку от «Волчьего Логова» (штаб-квартиры фюрера), мы возводили новые тыловые рубежи, изрыв все окрестные поля и луга своими окопами.

На конюшне Реймсдорфа я повстречал отряд ребят из Инстербургского Гитлерюгенда. Среди них был и мой одноклассник, которого, как мне кажется, звали Альбат или Адам.

Наше копание продолжалось до позднего октября. Ночи становились по настоящему холодными и зачастую по утрам нам приходилось разбивать лед на пруду за нашим хлевом, чтобы умыться. А затем наступило 20 октября. В этот день Красная армия начала новое наступление, на несколько дней раньше ожидаемого. После утренней побудки мальчишек из округов Гольдап и Гумбиннен созвали вместе и объявили, что мы должны незамедлительно отправляться по домам и помогать своим матерям эвакуироваться. Наш отъезд был немного отсрочен и лишь во второй половине дня мы получили билеты и открепительные удостоверения.

Мы выехали из Растенбурга через Коршен (Корше, Польша) в Инстербург и прибыли туда поздно вечером.

Прибытие на вокзал стало для нас настоящим шоком.

Платформы, главный холл, коридоры и зал ожидания были переполнены людьми и багажом. При тусклом освещении невозможно было сделать и шага без того, чтобы не наткнуться на кого-нибудь или не споткнуться обо что-нибудь. Плакали дети, а матери пытались их утешать, тогда как другие спали на своих пожитках. Я пробился к одному железнодорожнику и спросил у него о следующем поезде в сторону Ангераппа (ныне Озерск). Его ответ был таким: «Мой дорогой мальчик, возможно завтра утром и будет поезд в этом направлении, но вероятнее всего его уже не будет никогда. Кто знает, как близко русские?!».

Эта информация меня не удовлетворила и я решил просто пройти 30 км пешком. Поискав, я нашел того, кто согласился составить мне компанию. Это был мальчишка, учившийся в Инстербурге, но не в моей школе. Я немного знал его. Он жил рядом с Содененом (Красноярское) и также возвращался со строительства укреплений.

Сначала мы отправились по дороге в сторону Гумбиннена. Было очень темно. Лишь на востоке, время от времени, небо озарялось всполохами и доносился гром, как при еще далекой грозе. Навстречу нам тянулись колонны беженцев. Прежде чем мы свернули с шоссе Инстербург-Гумбиннен в направлении Ангераппа, нам повезло: нас подобрал военный грузовик и подбросил до середины Карлсвальдерского (Бродлаукерского) леса. Оттуда мы продолжили свой путь пешком. Мой спутник покинул меня за несколько километров до Соденена. Он повернул налево после Ульрихсдорфа, поместья рядом с дорогой, и почти оказался дома.

Когда я проходил Соденен начинало светать и небо на востоке озарилось ясной полоской. Я свернул на гравиевую дорожку, ведущую в Неммерсдорф (Маяковское). Поначалу было довольно безлюдно. Затем я встретил крестьянина, несшего молоко с соседней молочной фермы. Это успокоило меня, так

как если еще носят молоко, то Советы должно быть еще довольно далеко. Но ситуация стала быстро меняться. Вначале это были только отдельные машины беженцев, затем их становилось все больше и больше и, наконец, нескончаемый поток убегающих людей повалил мне навстречу. Конные повозки, коляски, телеги, доверху нагруженные всевозможным добром, множество людей, преимущественно женщин с рюкзаками и детьми на руках, и лишь несколько престарелых мужчин.

Наконец я достиг полевой дороги, ответвлявшейся от основной улицы. По ней я планировал срезать свой путь. Через несколько сотен метров я оказался в полном одиночестве. Поднялся странный туман, окутавший меня с ног до головы. Он стелился по земле почти в человеческий рост, так что иногда можно было видеть небо. Страх стал подкрадываться ко мне. Я находился примерно в 2 км от дома и внезапно меня охватило сомнение. Должен ли я идти дальше или нет? Отчетливо стали слышна ружейная и пулеметная стрельба, а иногда и орудийные залпы. Неожиданно до меня донесся грохот (возможно до этого он был поглощен туманом) гусеничной машины. Сначала я хотел бежать в поле, но оказалось уже слишком поздно. Из тумана выполз страшно огромный танк.

Сердце мое почти остановилось. Прошло несколько ужасных секунд, прежде чем я понял, к собственному облегчению, что это был немецкий танк.

Колосс остановился.

Теперь я увидел сидевшую на нем группу солдат, с уставшими и измазанными грязью лицами, под стальными шлемами.

Сверху кто-то спросил меня, куда я иду. Я указал в направлении своей деревни. Голос (я решил, что это был командир танка) сказал, что здесь не мудро ходить в таком наряде (на мне была форма Гитлерюгенда со всеми знаками) и что в следующей деревне могут оказаться русские. Отовсюду угрожающе щелкало.

Ко мне протянулась рука и затащила на танк.

Взревел двигатель и мы вернулись на дорогу, по которой я сюда пришел. Сначала мы двигались быстро, пока не нагнали колонну беженцев, после чего, опасаясь застрять, поехали, ломая палисадники, через поля и луга, придерживаясь дороги.

Неподалеку от Соденена мы повстречали немецких солдат. Это были первые военные встреченные мной тем утром, за исключением тех, с которыми я находился. Они принадлежали к танковой дивизии Герман Геринг.

В полном молчании, нагруженные пулеметами, минометами, фауст-патронами и ящиками с боеприпасами, они шли в сторону Неммерсдорфа.

Доехав до Соденена я соскочил со «своего» танка и скрылся, так как хотел оставаться независимым. На площадях и улицах Соденена царил хаос. Там сошлись три потока беженцев, прибывающих из Неммерсдорфа, Инстербурга и Ангераппа. Все хотели пройти по единственной крутой улице деревни в западном направлении. Когда движение окончательно встало, солдаты взяли инициативу на себя и стали регулировать движение. Тем не менее, пробки продолжали образовываться. К примеру, домашний скот, который привязывали к машинам, попросту отказывался двигаться. Я до сих пор

слышу скрип повозок, грохот ведер, привязанных к телегам, крики и щелканье кнутов возникших, коими они пытались торопить своих животных.

Я провел много времени на этом перекрестке, поскольку надеялся что-нибудь узнать о своей матери. Наконец я встретил человека, который сообщил мне, что мои родные отправились в сторону Норденбурга (Крылово) через Драхенберге (он же Кальнен, он же Ново-Гурьевское) и Брюдерхоф (он же Шревишкен, он же Малое Путятино).

В состоянии полной беспомощности я предпринял последнюю попытку найти свою семью и смело двинулся в сторону Ангераппа. Но дошел лишь до Кенигсгартена (Шматовка). Взирая на покинутую своими жителями деревню и пустую главную улицу, на которой поток беженцев полностью иссяк, мой проект стал казаться зловещим. Слишком странно было стоять перед, казалось бы, идеальной усадьбой, на которой все еще кудахтали куры, гоготали гуси и утки, паслись лошади и коровы, и знать, что владельцы их бежали. Любой, даже самый незначительный посторонний шум, пугал до глубины души.

У меня оставалось лишь одно желание — как можно быстрее уйти отсюда и вернуться в Инстербург. Я снова вернулся в Соденен (это было уже третье мое посещение сей деревни за тот день). Между тем, улицы опустели и здесь. Больше не видно было многочисленных телег беженцев, которые еще час назад блокировали местные улицы.

Я пошел дальше в сторону Инстербурга.

Через несколько километров меня нагнала армейская колонна конных повозок. Военные предложили подвезти меня. Я залез на одну из телег и, несмотря на голод (а не ел я уже более 24 часов), вскоре заснул.

Незадолго до Инстербурга кучер разбудил меня и жестом приказал слезать. Это был так называемый «Хиви» в немецкой форме, с которым я не мог объясниться на немецком языке. Я прошел оставшийся путь до города, пока не добрался до дороги, тянувшейся параллельно железнодорожной линии Инстербург-Тильзит, мимо Прусской площади, городского сада и трибун Конной арены, пересек Ангерапп около Люксенберга и вскоре оказался у тетей в Шприндте. К счастью, они все еще были дома, чему я был несказанно рад после своих скитаний. Вскоре я заметил, что тут царит глубокая беспомощность и отчаяние. Мои тети не знали, что им делать. Они спорили об этом весь вечер 21 октября. Речь шла о том, должны ли они упаковывать чемоданы и уезжать на поезде или можно еще подождать.

Периодически завывала сирена воздушной тревоги. Где-то стреляли зенитки и падали бомбы. На следующее утро все было тихо и почти мирно, русских не было видно, а с фронта поступало крайне мало новостей, и поэтому мы немного успокоились.

Проходил день за днем и ощущение нормальности вернулось, хотя и нарушалось благодаря советским летчикам. К сожалению, нельзя было больше полагаться на вой сирен. Либо они поднимали тревогу, когда не было ни одного самолета, либо молчали, после чего неожиданно раздавалась стрельба зенитных пушек и начинали сыпаться бомбы.

Больше всего пришлось страдать моей 78-летней бабушке, которая тоже была с нами. Каждый раз, когда в небе появлялся самолет, мы шли вместе с ней, поскольку она не могла уже нормально ходить, через улицу в подвал соседнего дома, который был переоборудован в бомбоубежище. Часто вслед за этим ничего не происходило и тогда она в своей неторопливой манере, на восточно-

прусском диалекте, заявляла, что мы хотели просто над ней пошутить. В конце-концов она стала отказываться с нами ходить, пока однажды вечером, очень близко, за кирхой Шприндта, не упали бомбы, разрушившие несколько домов. С тех пор она всегда усердно ходила с нами, если мы просили ее об этом.

На второй день моего пребывания в Шприндте я отправился с тетей в город, чтобы получить на меня продовольственные карточки.

Департамент Продовольствия находился в крыле школы домоводства на Маркграфенплац. Там в свое время располагалась публичная библиотека и в школьные годы я часто брал там многие интересные книги.

Без лишних проволочек и бюрократии я получил свои карточки. Там я узнал об ужасных зверствах причиненных красноармейцами в отношении гражданского населения Неммерсдорфа 21 октября, когда я находился совсем недалеко оттуда, пытаюсь добраться до дома. В центре Инстербурга, в те дни, постоянно слышался стук молотков: владельцы фирм упаковывали свои товары. По секрету нам сказали, что еще несколько дней назад многое можно было купить без каких-либо карточек.

Улицы, тем временем, тоже очень преобразились. Повсюду в домах зияли огромные бреши, образованные осколочными и зажигательными бомбами.

Мы, как только могли, старались жить как обычно. Когда стало известно, что можно эвакуироваться при помощи Городского Совета, нас охватило некоторое беспокойство. К тому же многие из наших соседей уже отметились там и уехали «в Рейх», как тогда говорили.

Однажды, мои тети тоже отправились к городским властям и попросили переселить их. К этому моменту, насколько мне известно, все семьи улицы «у пруда» попросили об эвакуации, за исключением только одной, полагавшей, что русские ничего им не сделают. Начались длительные сборы. Все ведра, корзины для белья, котелки, ящики и кадки были заполнены вещами. Одежду, белье и постельные принадлежности мы связали в толстые тюки. В начале ноября мы собрали свои вещи и отправились на вокзал. Слева от здания вокзала, на запасном пути первой платформы, стояли вагоны, в которые и был помещен наш скarb. Наш поезд должен был покинуть Инстербург в полдень, однако, из-за отсутствия транспорта для подвоза вещей отбытие час за часом откладывалось. Во второй половине дня пришел представитель то ли железнодорожной миссии, то ли Красного креста или NSV (Национал-социалистическая народная благотворительность) и отправил нас в отель Дэссауэр Хоф. Таким образом, мы имели честь провести последние часы в этом городе, да и в самой Восточной Пруссии, в здании, которое в 1914 году обрело определенную известность в истории нашей страны. Когда мы после обеда, на котором подавали водянистый суп, вернулись на вокзал, наш поезд был готов к отправке и мы смогли сесть в него. Но прежде, чем он отъехал, появились несколько высокомерных паршивцев в форме Гитлерюгенда и начали выбрасывать из поезда всех юношей в возрасте от 14 до 18 лет. Я тоже должен был выйти, но мое открепительное удостоверение из Растенбурга оказало на них магическое воздействие, поскольку в нем указывалась причина моего отпуска: «Помощь родителям в эвакуации». После этого они оставили меня в покое. Поздно вечером мы отбыли с вокзала.

Над нами давило гнетущее чувство. Никто из нас не знал, куда нас везут и еще меньше, как долго мы будем отсутствовать. Таким образом, каждый из нас по своему прощался с городом. Мы ехали

всю ночь через Алленштайн (Ольштын, Польша), Дойче Эйлау (Илава, Польша), пересекли Вислу у Торна (Торунь, Польша) и утром прибыли в Позен (Познань, Польша). Первую половину дня мы ехали без остановок, мимо Нидерлаузитца (Нижняя Лужица, Польша), Котбуса и Губена. Проведя в вагоне следующую ночь, мы прибыли в Плауэн, который являлся конечной станцией. Нас разместили в местной школе. В классах мы расставили скамейки вдоль стен, одну на другую, а посередине насыпали солому. Это был наш приют на следующие несколько недель. Особая трудность заключалась в поиске багажа. Поскольку другие школы также были заняты инстербургскими беженцами, то вещи развезли по ним в случайном порядке. Впрочем, через некоторое время мы все нашли.

В начале декабря я поехал к своей матушке в Лихенов, возле Фридберга/Ноймарк. То, что я нашел ее так скоро, особая заслуга почты в Шприндте, которая исправно переправляла ее письма на новый адрес. Организация была налажена просто на отлично.

Как позднее выяснилось, я прибыл в Ноймарк от плохого к худшему, но это уже другая история. Мои тети и вместе с ними многие инстербуржцы были расселены по окрестным деревням, еще до того, как начались тяжелые бомбардировки.

Они остались в Саксонии, обретя там вторую родину.

Гельмут Шмидт.

+++

Insterburger Brief, 3/4 1987

Сначала газовщица, затем «Девушка Молния» (Erst Gasableserin, dann "Blitzmädchen")

Наша инстербурженка Фрида Мориц рассказывает о своей службе во время войны. Легкомысленное прозвище «Девушка Молния» ни в коем случае не является уничижительным, что следует подчеркнуть особо. Все, кто воевал солдатом на переднем крае, знают, что их официальное наименование было «помощницы связи». Их служба была не менее опасной, чем у медсестер во фронтовых госпиталях и дивизионных медпунктах. Их труду и храбрости, особенно на заключительном этапе войны, многие обязаны жизнью.

Наша инстербурженка пишет:

«В начале войны я стала служебнообязанной в качестве газовщицы при коммунальном хозяйстве Инстербурга. Через несколько недель, под руководством другого работника, я должна была начать считывать показания электрических и газовых счетчиков. За день я посещала 100 клиентов. Для этого имелись соответствующие книги с их адресами. В качестве необходимого «снаряжения» мне выдали форменное пальто, сумочку и карманный фонарик. Считывание показаний было тогда не столь удобным занятием как сегодня. Счетчики, как правило, были установлены довольно высоко и я зачастую нуждалась в табуретке, чтобы разглядеть цифры на их табло. В этой роли я проработала год. Поскольку у меня имелись водительские права, то мне предложили стать водителем троллейбуса, но я не осмелилась пойти на эту работу и отказалась.

Из-за того, что все мои братья находились на фронте я не хотела уезжать далеко от дома. Вследствие этого я стала учиться на помощницу связи. Обучение на авиабазе Девау (Кенигсберг) продолжалось полгода. Только тогда, когда мы сами смогли «поймать» советские радио-переговоры, наше образование завершилось.

Моя служба в качестве радистки началась на метеостанции Инстербурга. Униформу нам не выдали и потому я могла есть и спать дома. Работа была непростой: 70 часов в неделю посменно, постоянно в пищущих наушниках, из-за чего я стала страдать нарушением слуха. Но все таки работа меня удовлетворяла, так как я знала, что могла спасти чьи-то жизни на фронте. Ближе к концу войны к нам присоединились и другие помощницы. Они жили в казармах за пределами авиабазы.

Вид радио-комнаты на авиабазе Инстербург. Две инстербурженки, Шарлотта Тидке на переднем плане, позади нее Фрида Мориц (поз. Мия).

К сожалению за нами закрепилась не особенно

хорошая репутация. Нас зло обзывали «офицерскими подстилками». Из-за этого мы все очень страдали, поскольку у многих мужья и женихи находились на фронте. Конечно были и те, кто водил всякие шуры-муры, что случалось практически всюду, но я во всяком случае не могу сообщить ни об одном случае распутства.

Из соображений секретности мы должны были поменять свои имена. Никто не должен был знать, как нас зовут на самом деле. Моим позывным стала «Мия». Сводки погоды подшивались в папку с грифом Совершенно Секретно, сокращенно GKDos, за которую я расписывалась собственноручно, как и за шифровальную машинку.

Метеостанция, комната метеорологов, «Радио-баня» (по всей видимости такое прозвище радиорубка получила из-за царившей в ней духоты. прим. переводчика) и шифровальное помещение располагались на краю взлетно-посадочной полосы. Из шифровальщиц, которые должны были шифровать и дешифровать исходящие и входящие сообщения, в моей памяти запечатлелись только имена Аннигхёфер и Ленгтат.

Осенью я была переведена в Гросс Шиманен, а затем в Сивиесен, около Лёвенхагена. 19 января 1945 года нас «эвакуировали» и мы оказались в Эберсвальде, неподалеку от Берлина. В конце концов мы очутились в Бишхофсверде, в чьих казармах обучались помощницы связи. После войны измененные, вследствие маскировки, имена помешали поиску сослуживцев. Мне посчастливилось отыскать Шарлотту Тидке из Инстербурга. Сейчас она живет в ГДР. От нее я и получила фотографию того времени.

В статье “Сады Инстербурга во времена стародавние и не очень” была упомянута фигура господина Макса Хаасе, ландшафтного архитектора. Нижеприведенная статья была написана братом упомянутого Макса Хаасе.

Insterburger Brief, 3/4 1975

Воспоминания о знаменитом инстербургском хозяйстве

“ДЕКОРАТИВНОЕ И КОМПЛЕКСНОЕ САДОВОДСТВО ХААСЕ”

Старшее поколение инстербуржцев должно помнить “Декоративное и Комплексное Садоводство Хаасе”, располагавшееся в районе Гинденбургштрассе, там где эта улица пересекается с Луизенштрассе. Позднее на этом месте появился детский сад, а в доме на Гинденбургштрассе расположился гастроном Фрица Глота. Член семьи Хаасе, полковник в отставке Альфред Хаасе записал воспоминания, которые, несомненно, заинтересуют многих наших бывших соотечественников.

“В ‘Письмах из Инстербурга’, номер 11/12 за 1973 год, была статья под названием ‘Инстербургская Луизенштрассе’, посвященная происхождению, ставшей ныне крупной, компании Фрица Глота, с фотографией дома. Фотография и текст пробудили очень яркие и одновременно грустные воспоминания о моей юности, т.к. это был дом моих родителей. В связи с этим хотелось бы кое-что рассказать.

Мои родители поженились в 1875 году и приехали в Инстербург из окрестностей Тапиау. Они купили земельный участок на Банхофштрассе (так первоначально называлась (часть) Гинденбургштрассе), размером около 2,5 моргенов (примерно 1,5 гектара). Вначале они построили там небольшой питомник. Тогда же и назвали свое хозяйство “Декоративное и Комплексное Садоводство Хаасе”, а отец, Герман Хаасе, нарисовал большую вывеску над воротами со стороны Банхофштрассе. Дом, который фигурировал на вышеупомянутой фотографии, - но еще без большого магазина – был построен около 1879 года. В 1902 году он был расширен примерно на три метра в сторону Луизенштрассе. На садовой территории в течение нескольких лет были построены многочисленные теплые и холодные теплицы. В дальнейшем были возведены хозяйственные постройки для мастерской и отопительного котла, а также сарай для кокса. Было задействовано от 300 до 400 парников.

В те времена от восточной границы земельного участка до артиллерийских казарм (37-го полка) простирались луга принадлежавшие имению

Семейное фото из 1918 года. Слева направо – стоя: Фрида Хаасе, урожденная Ярейс, Макс Хаасе, Альфред Хаасе (еще лейтенант), Анна Хаасе; сидя: Фердинанда Хаасе, урожденная Вальнер, Герман Хаасе – в тот день он отпраздновал свое 70-летие – посередине Криста Хаасе (позднее она вышла замуж за архитектора Бруно Джесса).

Штади-Грюнхоф на Гумбинненском шоссе. На рубеже столетий, где-то в 1904 году, начался настоящий “строительный бум” (как сказали бы сейчас). Большие жилые комплексы, такие как Порт-Артур, Луизен-, Вихерт-, Альберт-Штади-, Йорданштрассе и другие, стали расти как грибы после дождя. В это же время напротив казарм 37-го полка (тех самых, на ул. Тухачевского, которые почти ушли на кирпич. Прим. переводчика) был построен большой военный госпиталь (ныне инфекционная больница). Мой отец получил заказ на озеленение этого комплекса. Конечно для меня, мальчишки, это было сплошным удовольствием. Очень быстро была застроена территория и к востоку от нашего участка. В моей памяти сохранились воспоминания о большом пожаре, случившемся в средней части комплекса зданий Порт-Артур.

Полковник Альфред Хаасе

Но вернемся к садоводству. В большой теплой теплице, в которой поддерживалась тропическая атмосфера, мой отец вырастил пальмовый сад, который часто навещали все школьники во главе с преподавателями биологии. У веерообразных пальм, к примеру, листовая крона достигала до 1 метра в диаметре. При температуре от 30 до 40 градусов Цельсия, господствовавшей в этой теплице, и при соответствующей влажности, трудно было находиться долгое время внутри. Часть пальм держали в горшках, которые периодически арендовались для украшения и особых случаев в Общественный дом (Дом Офицеров), отель “Королевский Двор”, различные лоджии или винный погребок “Под Виноградной Лозой” на Шприценштрассе.

Высокие жилые здания в северной части Луизенштрассе, а также на восточной стороне нашего участка в конечном счете приговорили наш солнечный сад к прозябанию в их тени, из-за чего цветы и растения более не могли цвести в нем как прежде. Таким образом, после смерти моего отца в 1922 году, мои брат Макс и сестра Анна, будучи наследниками, продали дом и садовую территорию.

Садоводческое хозяйство после этого было построено ими, в современной и эффективной форме, в Антонишкене, рядом с загородным рестораном Люксенберг, на обрывистом берегу Ангерапп (на стрельбище Стрелкового общества).

“Декоративное и Комплексное Садоводство Хаасе” с цветочным магазином в нижней части Гинденбургштрассе просуществовало до конца войны в 1945 году, вплоть до изгнания жителей Инстербурга.

Старшие инстербуржцы наверное помнят, что мой отец был талантливым резчиком по дереву, хобби, которому он посвящал часы своего досуга. Его рукам принадлежали прекрасные работы, такие как - в натуральную величину голова оленя, лани, собак, которые были выполнены весьма искусно. Я помню, что для того чтобы он смог взять с натуры ему из императорского охотничьего парка Роминтен был доставлен 14 летний олень. От всего этого остались лишь воспоминания.

Insterburger Brief, 11/12 1980

Из времен былых Инстербурга...

УЛИЦЫ "НОВОГО ГОРОДА"

Старшее поколение граждан Инстербурга по сей день называет район между железнодорожным вокзалом и Форхештрассе (ул. *Калинина*) "Новым городом" (или *Нойштадт*). Улицы в этом районе появились только после пуска железной дороги (1860). До тех пор единственная ведущая в направлении вокзала улица была просто продолжением Гольдаперштрассе (часть *Гиндербургштрассе* (ул. *Ленина*) от *Альтер Маркт* (пл. *Ленина*) до перекрестка с Форхештрассе (ул. *Калинина*)), известным как Гольдапер Шёненштрассе (улица *Гольдапских Амбаров*). За исключением госпиталя, в котором позднее разместилась финансовая служба (Finanzamt), там располагались одни лишь амбары. В 1860 году этой улице было присвоено название Банхофштрассе (часть *Гинденбургштрассе* от перекрестка с Форхештрассе до железнодорожного вокзала). Амбары уже не ремонтировались. Когда они окончательно ветшали, то их сносили, если к этому моменту они уже не уступили своего места новостройкам. До 1865 года там еще можно было видеть две вывески запрещающие курение между амбарами.

Более поздняя Гартенштрассе (ул. *Садовая* от *Театральной площади* до ул. *Железнодорожная*) была известна в народе как "Амбары перед Свиными воротами". Пешеход мог пройти по ней только в сухую погоду. Осенью 1860 года был основан Новый Рынок (пл. *Театральная, Neuer Markt*) и в то же время улучшена дорога, получившая название Гартенштрассе.

В пространстве между Банхофштрассе и Гартенштрассе располагалось поле, принадлежавшее коммерсанту Боту. От Райтбанштрассе, позднее названной Форхештрассе, вела засаженная тополями дорога к так называемому полю Бота. Там, где впоследствии построили школу для девочек (*ныне здание почты*) располагался гостевой сад, который Бот сдал в аренду вдове Петов, и который долгое время на рубеже веков был единственным "изысканным" местом развлечения горожан, дорогим их сердцу.

Наследники Бота продали затем этот участок коммерсанту Раушнингу, который в свою очередь продал его городу для строительства школы для девочек. 25 мая 1871 года город приобрел этот сад вместе со строениями за 6500 талеров. В следующем году город купил остальное поле Бота вплоть до железной дороги за 20000 рейхсмарок и проложил по нему улицы, как это видно из следующего объявления:

Уведомление

Настоящим довести до всеобщего сведения, что мы присвоили новому району название Нойштадт (Новый город), а также заложенным и планируемым улицам на месте поля Бота следующие названия:

- 1) Улице от здания школы для девочек до вокзальной территории имя "Вильгельмштрассе" - "Wilhelmstrasse" (ул. *Пионерская*)
- 2) Второй, параллельной с ней, от задней части земельного участка Гимназии (*ныне здание гор.администрации*) до вокзальной территории имя "Альбрехтштрассе" - "Albrechtstrasse" (ул. *Суворова*)
- 3) Первой поперечной им улице на земельных участках Раушнинга и Шпигельберга и др. имя "Верейнштрассе" - "Vereinstrasse" (затем *Корнштрассе*, ныне *Тольятти*)

- 4) Второй поперечной им улице между участками Мора (Mohr)* и Панкритиуса (Pankritius) до Гартенштрассе имя "Дойчештрассе" - "Deutschestrasse" (ул. Крупской)
 - 5) Открытому пространству за ними имя "Маркграфенплац" - "Markgrafenplatz" (там, где находится Реформаторская Кирха, она же Св. Михайловская церковь)
 - 6) Третьей улице от этой площади и до Гартенштрассе имя "Маркграфенштрассе" - "Markgrafenstrasse" (ныне где стоит дом №2 пер. Суворова)
 - 7) Четвертой улице от бывшего земельного участка Брёдерлова до участка Куллака имя "Луизенштрассе" - "Luisenstrasse" (ныне ул. Тельмана)
 - 8) Пятой улице от бывшего земельного участка Келха до Гартенштрассе и оттуда до подземного путепровода (Туннеля) имя "Гумбиннерштрассе" - "Gumbinnerstrasse" (Гусевское шоссе с частью ул. Железнодорожная)
 - 9) Подвальной дороге от Гартенштрассе через участки Катлуна и Штольценвальда до Туннеля термин "Туннельштрассе" - "Tunnelstrasse" (ул. Тоннельная), и наконец
 - 10) В настоящее время строящейся дороге от пивоварни Бендикса до карьера Шмидтке имя "Фельдштрассе" - "Feldstrasse" (впоследствии Аугусташтрассе, ныне ул. Курчатова)
- Инстербург, 29 октября 1874 года.

Магистрат

***Фамилия Мора была увековечена в названии углового дома на перекрестке Вильгельмштрассе-Дойчештрассе (Mohrsches Haus). К сожалению данное здание не сохранилось.**

Вышеупомянутая "Верейнштрассе", как мы знаем, была позже наречена "Корнштрассе" в честь обер-бургомистра Корна. После Первой мировой войны Гольдапер- и Банхофштрассе получили общее название "Гинденбургштрассе", в то время как западная часть Гумбиннерштрассе стала именоваться "Людендорфштрассе". Фридрихштрассе (ул. *Театральная*) в 1874 году еще не была запланирована. Когда в 1860 году была запущена железная дорога вокзал оказался довольно далеко от центра города, которым являлась Альтер Маркт. Хотя на Банхофштрассе помимо амбаров и госпиталя был постоянный двор для отдыха извозчиков под названием "Надежда" (Hoffnung), хозяева этой гостиницы оказались вынуждены приобрести лошадь и повозку для доставки своих постояльцев с поезда и на поезд. Если имелись свободные места в экипаже, то они подвозили и других пассажиров. На этот "рыночный дефицит" - как мы сказали бы сегодня - обратил внимание наёмный рабочий Рейнхардт и в 1866 году оперативно основал транспортную компанию, которая помимо прочего позволяла путешественникам выбираться на городские окраины. Несколько лет спустя он перекупил у гостиницы их экипажи. Но потребность в транспортных средствах всё еще не была должным образом удовлетворена и поэтому новый начальник почтового отделения Хенкис купил в 1874 году три экипажа, получившие место для стоянки на Альтер Маркт перед зданием ратуши. Тарифы на извоз регулировались предписанием полиции от 9 декабря 1874 года.

Помимо широких проезжих мостовых подумали также и о пешеходах. В 1874 году были заложены первые тротуары на Гольдаперштрассе, а также большей части Альтер Маркт. Город оплачивал одну треть стоимости их строительства, а две остальные трети оплачивали домовладельцы. Строительные работы велись очень живо и на распланированном поле Бота возникли прекрасные, засаженные деревьями, улицы Нового города.

Корн, кстати первый обер-бургомистр города Инстербург, препятствовал, посредством выкупа поля Бота и своевременной прокладке по нему улиц, потенциальной спекуляции земельными участками. Он заслуживает уважения еще и за то, что в "Новом городе" можно было жить просторно и удобно, и оставалось еще достаточно места для общественных зданий.

Автор: Вальтер Грюнерт

+++

Insterburger Brief 1/2 1980

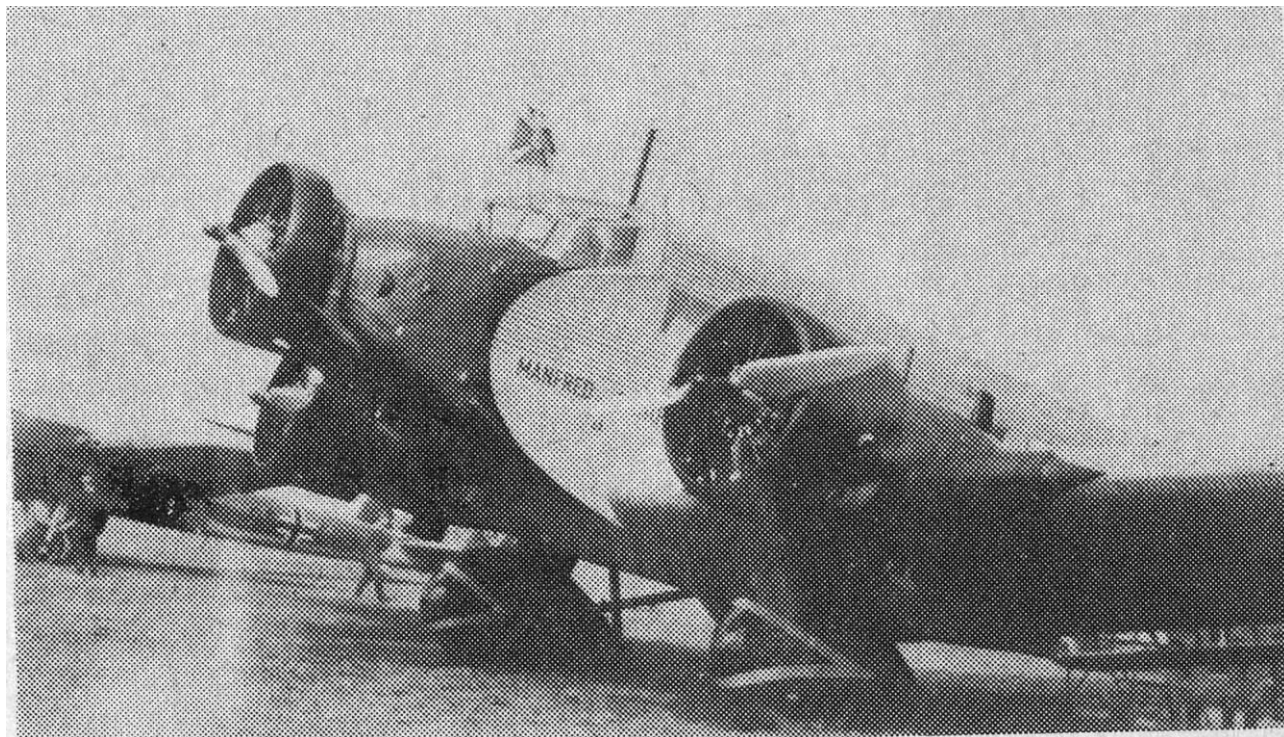
Воспоминания летчика об Инстербурге

Инстербургские "Штуки" (Stuka = Sturzkampfflugzeug — пикирующий бомбардировщик)

Инстербург! Когда в детстве я слышал это название, то в моих мыслях возникала Восточная Пруссия с её обширными полями, дремучими лесами и идиллическими озерами. Так или иначе, нас в "Рейхе" постоянно будоражила скрытая тоска, побуждавшая лично познакомиться со столь далекой Восточной Пруссией.

В последующие годы у меня трижды подворачивался случай посетить эту страну, с чем связано множество воспоминаний. Самое прекрасное из них я храню вот уже более сорока лет: моя жена Хильдегарда, урожденная Кли, с Вильгельмштрассе (ул. Пионерская), жившая по диагонали от кафе Дюнкель. Но она появляется в моей памяти лишь в связи с моим третьим посещением Инстербурга. Впервые я познакомился с городом в 1935 году, во время своей поездки на велосипеде по Восточной Пруссии. Из Пиллау (Балтийск), куда я прибыл на борту "Танненберга" с приморского курорта Травемюнде, я совершил краткосрочную остановку в Инстербурге. С того путешествия в моей памяти

отпечатались лишь Альтер Маркт, да ещё Лютеркирха. На ведущей от Прегеля улице (я полагаю это была Театрштрассе (ул. Л.Толстого)) я купил молока, масла и булочку, которые обошлись мне едва ли в одну рейхсмарку. То были времена, когда можно было жить столь недорого и скромно! Аэродрома я тогда ещё не видел и, должен признаться, меня тянуло на озера и Йоханнесбургскую Пуцу (в районе Мазурских озер).

На аэродроме Инстербург стоит Ju-52. Как свидетельствует флажок на нем, самолёт доставил главнокомандующего Люфтваффе

Второй раз я приехал сюда в мае 1937 года в звании фенриха (унтер-офицер) и свежее испеченного пилота на один месяц в Разведывательную группу 111, базировавшуюся в Инстербурге. По завершении полётного курса мы должны были получить в её составе свой первый лётный опыт. Группа была вооружена самолетами Хейнкель 45 и 46. Я уже не могу припомнить имен командиров, но моим наставником тогда был лейтенант Ширк. На упомянутых самолётах мы в том месяце познакомились с большей частью Восточной Пруссии с высоты птичьего полёта. Для нас, молодых летчиков, было важно, что ландшафт имел крайне мало искусственных и естественных преград, и мы могли относительно безопасно тренироваться в полётах на низкой высоте. Аэродром в то время еще не был полностью завершен и, к примеру, казино всё ещё строилось. Поэтому свой досуг мы главным образом проводили в кантине Питерейта. Половина аэродрома бредила о красивых дочерях Питерейта, что не означает, будто мы не обращали внимания на других прекрасных девушек города. Но за то короткое время, которое было почти полностью заполнено обучением, мы имели мало шансов выбраться в город и познакомиться с его окрестностями, и его девушками. Всё это я, однако, наверстал в период третьего и наиболее длительного пребывания в Инстербурге.

После формирования группы поддержки сухопутных войск в Померании мы во время так называемого “Судетского похода” (Судетские кризис) мы базировались в Бриге (ныне Бжег, Польша), Силезия. Наша группа была оснащена самолётами Хейншель 123, полутораяпланами, которые издавали ужасный шум своими мощными моторами, но при этом обладавшие отличными лётными характеристиками. По окончании бескровного “Судетского похода” мы на этих самолётах осенью

1938 года перелетели из Брига в Инстербург. Это оказалось не так уж просто. Перелёт польского коридора был возможен только при наличии специального разрешения от польского правительства. Лететь же над морем не наших не оборудованных для этой цели машинах мы не могли. Поэтому нам пришлось долго ждать разрешения на перелет в Столпе (ныне Слупск, Польша), Померания. 18 ноября 1938 года время настало. С тридцатью Хейншелями 123 мы обрушились на Инстербург с пикирования, приветствуя город оглушительным рёвом моторов. Реакция горожан на устроенный нами шум была весьма противоречивой. В находившейся почти у границ авиабазы Провинциальной Женской Клинике (по прямой около 2 км.) в день нашего прибытия должно быть случилось несколько преждевременных родов. В этом нас раз за разом обвиняли, покуда мы размещались в Инстербурге, несмотря на то, что в некоторых родах мы были совершенно невиновны. Наша служба аэродромного обслуживания уже прибыла на место по железной дороге, так что мы могли сразу распределиться по свои местам на теперь уже полностью достроенном аэродроме. На южном краю поля были полукругом возведены ангары, к западу к ним примыкал ремонтный блок, в то время как казармы были построены в лесу. Штаб располагался прямо за зданием охраны, а за ним находились офицерские квартиры и казино.

С переводом в Инстербург наша группа, именовавшаяся до этого группой поддержки сухопутных войск, вошла в состав 1 группы 1 эскадры пикирующих бомбардировщиков и стала подчиняться Военно-Воздушному командованию Восточной Пруссии и Кёнигсберге. Командиром нашей группы был майор Ренч, капитанами штаффелей и командирами рот были гауптманн (капитан) Хоццель и оберлейтенанты Диллей, Бирманн, Кульмей (коренной житель Инстербурга) и Пабст. Вскоре начались тренировки, поскольку мы слишком долго задержались в Померании, и должны были наверстать упущенное. В нашу ежедневную программу входили полёты в боевом порядке строем, звеном, штаффелем или, как вершина мастерства, всей группой. Помимо этого мы практиковались над Замландским побережьем в стрельбе по воздушным целям и бомбоиспятии. Целью наших бомбардировок была поляна в Кранихбрюхерском (Kranichbrucher) лесу. И по сей день земля там должно быть начинена цементными бомбами.

Замечательнее всего были тренировочные полеты на низкой высоте, которые проходили над большими и маленькими восточно-прускими озерами, где можно было прочувствовать всю красоту пейзажа. Мы летали не на сверхзвуковых скоростях, а по сегодняшним меркам со скоростью уставших птиц, у которых было, однако, важное преимущество – наши самолеты были крепкими и могли садиться на вынужденную посадку без серьезных повреждений, чему очень способствовала восточно-прусская равнина.

Близлежащие армейские части просили нас иногда симулировать нападения на марширующие войска. Впрочем, после одной подобной атаки, когда от воя двигателя внезапно появившегося из-за перелеска самолёта, почти все лошади испугались и разбежались, эти просьбы стали поступать значительно реже. Но тренировки касались не только полетов. Технический персонал совершенствовался постоянно; в частности, начавшееся весной 1939 года перевооружение на Ju-87 потребовало больших усилий и внимания к новому типу самолётов.

Наряду со всем этим продолжалась муштра или лучше сказать пехотное обучение даже у нас, так называемых “солдат в галстуках”. Одной из излюбленных нами тренировок была стрельба из лёгкого пехотного оружия. К тому же стендовая стрельба для нас пилотов, проводимая с целью совершенствования потенциала реагирования, являлась желанным разнообразием. Общественная жизнь также не была ущемлена. Разумеется она была ограничена, за исключением нескольких посещений кафе и закусовых, таких как кафе Альт Вейн, кафе Дюнкель или Ратскеллер,

одним лишь казино. Причем у нас было довольно много возможностей познакомиться с различными восточно-прусскими напитками, такими как Беренфанг, Пиллкаллер, Николашка, Джин со сливами, Блютгешвюр и прочими.

Вскоре, однако, мы стали принимать активное участие в общественной жизни города и стали приглашаться на все крупные приёмы. Мы имели мало контактов с другими воинскими частями гарнизона, за исключением кавалерийского подразделения, представители которого были желанными гостями на нашей авиабазе, как и мы в свою очередь часто посещали их казино. Я всё ещё могу вспомнить две фамилии из того времени: Альдингер и Баукус. После того, как вскоре после Нового года мы организовали наш первый большой приём, казино по вечерам стало всё больше и больше пустеть, так как теперь мы наладили отношения с инстербуржцами и в частности с инстербурженками. Нам уже не надо было в одиночку посещать мероприятия, к тому же некоторые из этих романов пережили войну и послевоенный период, как и у меня самого. Наши подруги помогали нам исследовать прекрасные окрестности Инстербурга среди которых вначале был Эйхвальдерский лес, Люксенберг, Пирагиенен и другие красивые места, а затем и прекрасные озера. Мы посетили Ангерапп, Лик, Лотцен (ныне Гижицко, Польша), Йоханнесбургскую Пуцу, Роминтен, а в погожие дни нас тянуло к всемирно известным курортам Кранц и Раушен, чтобы оттуда ненадолго заглянуть на косу и в Росситен. Тренировочные полеты приводили нас в Алленштайн, Эльбинг, Тильзит, а в день присоединения Мемельланда в Мемель. Мы узнали и полюбили эту страну и её гостеприимное население за то короткое время, что осталось до войны. Осталась лишь память о том замечательном, беззаботном времени, которая, покуда мы живы, не сотрется.

Paul Blös

История полка... до его горького конца.

1 КАВАЛЕРИЙСКИЙ ПОЛК и 21 ПАНЦЕРГРЕНАДЕРСКИЙ ПОЛК

1 Кавалерийский полк инстербуржцы с полным правом могут называть «своим» полком, поскольку с момента его формирования он расквартировался в нашем родном городе. Помимо этого он продолжал традиции двух инстербуржских кавалерийских полков — 12-го Уланского (известного в народе как «Инстерские казаки») и 9-го Конно-Егерского полка. Вследствие того, что кавалерийские подразделения не могли быть использованы должным образом в первой линии во время 2 Мировой войны, они были распущены. Наш инстербуржский 1 Кавалерийский полк был преобразован в 21-й Панцергренадерский полк (1942). С этого момента бывшие всадники больше не сидели в сёдлах своих лошадей, а передвигались на моторизованных средствах,

которые могли быстро доставить их на поле боя — в трясилах советского бездорожья, взирая на застрявшие «лошадиные силы» автомобильных двигателей, они не раз вспоминали о своих четвероногих товарищах. Тем не менее, они сохранили, в знак признания их боевых заслуг на кавалерийском поприще, на своих погонах и петлицах золотистый кант. Их офицеры в звании капитана продолжали именоваться «ротмистрами», унтер-офицеры с темляком «вахмистрами», а боевые подразделения «эскадронами». Их тактическая эмблема «Прыгающий всадник» вскоре стала вызывать ужас у врага.

Среди кавалеристов (ныне панцергренадеров) в самые тяжелые времена войны окрепло товарищество и никто из них не был брошен на произвол судьбы. Они нашли друг друга после великого бедствия 1945 года и создали товарищество ветеранов 1 Кавалерийского полка и 21 Панцергренадерского полка, устраивая ежегодные встречи, помогая друг-другу, если это было необходимо, и сохраняя полковые традиции. Была издана книга, в двух томах, в которой они поделились своими воспоминаниями об истории подразделения. В прошлом году увидел свет третий том, дополняющий его историю и мастерски составленный Дитрихом Куеном. Из записей, дневников, приказов, донесений, отчётов, докладов, назначений, наградных листов, а также данных о потерях, как из мозаики складывается подлинная картина боёв и судеб наших моторизованных кавалеристов на фронтах Советского Союза, Франции, Италии, Румынии, Венгрии, Словакии и, наконец, своей родины. Эта картина составлена не только с точки зрения штабов и офицеров, но также из воспоминаний штабс-ефрейтора Реддига, служившего водителем, и сделавшего множество записей, а также писем молодых солдат. Это картина без прикрас тех дней, в которые никто не хочет возвратиться.

Книга, если вы захотите её прочитать, не отпустит вас до самого конца. Там упоминаются имена офицеров и унтер-офицеров (с темляком и без), которые в мирное время были хорошо известны в Инстербурге. Все они считались отличными всадниками и демонстрировали перед солдатами на фронте свой лихой кавалерийский дух. Скорбь и возмущение вспыхивают в сердце читателя, когда он

узнаёт, с каким легкомыслием и почти преступной бездарностью эта выдающаяся боевая часть была полностью принесена в жертву.

Большая часть 21 Панцергренадерского полка осталась со своим командиром полковником фон Беловым (до 1936 года он был командиром 4-го эскадрона 1 Кавалерийского полка в Инстербурге) в Сталинграде.

Вот лишь выдержка из доклада тогдашнего обер-вахмистра Хоххаймера, составленного незадолго до Рождества 1942 года: «Атмосфера в нашей боевой группе на самом деле очень хорошая. В середине декабря все рассчитывали выбраться из котла и каждый верил на помощь из вне. 'Держитесь, фюрер вытащит нас!' - таков был лозунг. Всем солдатам было объявлено, что группа армий Манштейна наступает с юга, чтобы нас выволить. Все были убеждены, что ему это удастся. Дивизия продвинулась уже далеко, были разосланы приказы обеспечить боевые подразделения транспортными средствами, ожидалось прибытие продовольствия и Рождественских посылок. Еще было относительно спокойно, и мы с нетерпением ждали эти посылки от наших родных. Когда я спросил нашего командира (полковника фон Белова) как обстоят дела с их доставкой, он ответил, что сделать это не удалось. Я был вынужден сообщить своим товарищам, что посылок не будет! Хороший Рождественский подарок!»

Зато генерал-майор фон Ленски 24 декабря издал по части приказ, в котором, помимо прочего, сообщалось: "Будучи фронтовиками, мы знаем, что способны исполнить свой долг в любое время и в любом месте, куда бы ни послал нас фюрер!"

Те, кто смог выжить в те дни в Сталинградском котле и имел счастье вернуться домой из плена, скорее всего, помнят, с каким удивлением они узнали, что этот высокопоставленный генерал фон Ленски теперь служит в народной армии ГДР.

Полковнику фон Белову не посчастливилось возвратиться домой. Он умер спустя шесть лет в бесчеловечном советском плену.

Из остатков 21-го Панцергренадерского полка, которые оказались за пределами Сталинградского котла, был сформирован новый, который воевал в Италии, Украине, Румынии, Галиции, Венгрии и Словакии, и наконец - уже слишком поздно - прибыл в Восточную Пруссию.

*Краткая биография
последнего командира полка:*

Полковник Фриц Рейнхольд фон Белов. Родился 16 декабря 1896 года в Серпентене (Дахейм, окр. Гумбиннен)

Oberst Fritz von Below, Commander of Panzergrenadier-Regiment 21

Командир 21 Панцергренадерского полка. Добровольцем в звании рядового 4 августа 1914 года зачислен в 9 Егерский полк, который отправился на фронт в феврале 1915 года. Сражался на Восточном фронте. Получил звание лейтенанта 18 августа 1915 года. Вернулся домой из Украины в феврале 1919 года. Продолжал службу в Рейхсвере. Ротмистр (капитан) с 1931 года. С 1932 года служил в 1 Кавалерийском полку. В 1936 году повышен до звания майора, а в 1939 до звания подполковник. Звание полковника получил 18 января 1942 года. С 01 февраля 1942 года старший офицер в должности начальника управления личного состава 4 танковой армии. Занимал эту должность вплоть до апреля 1942 года. После службы в штабах вернулся в свою старую часть, будучи переведен 11 октября 1942 года в 21 Панцергренадерский полк (прежний 1 Кавалерийский полк). упоминается как пропавший без вести в Сталинграде 23 января 1943 года, но фактически попал в плен 2 февраля 1943. Скончался 14 июня 1951 года в Брянке (Украина), в госпитале лагеря военнопленных (лагерь 6101) от воспаления печени. Был возможно похоронен как неизвестный солдат в Россошке.

В Инстербурге Фриц фон Белов жил по адресу Корнштрассе 2 (ул. Тольятти)

+++

Insterburger Brief, 3/4 1974

БЕДНЫЕ ЛЮДИ... СМІРНО!

Полковник фон Рауххаупт в тридцатые годы служил в звании ротмистра командиром 3-го эскадрона 1 Кавалерийского полка в Инстербурге (3-й эскадрон был продолжателем традиций 12 Уланского полка — Инстерских казаков) и знал множество забавных историй. Он рассказывал их на восточно-прусском диалекте. Когда его спросили, где он так отлично выучил наш родной диалект, будучи сам уроженцем Тюрингии, он усмехнулся: «Благодаря моим солдатам и моему гауптвахмистру Буттгерейту. Он, можно сказать, давал мне частные уроки восточно-прусского». Более того, последний зачастую играл главную роль в историях фон Рауххаупта. В свое время я попросил его поделиться своими Инстербургскими воспоминаниями для «ІВ» или, хотя бы, записать их на пленку — он только что купил магнитофон и с его помощью экономил время для записи своих мыслей. К сожалению, не удалось ни то, ни другое. Смерть призвала его. Поэтому я постараюсь воспроизвести по памяти — насколько это возможно — один из его рассказов.

Общеизвестно, что продовольственное снабжение у инстербургских кавалеристов было просто отменным. Причем настолько отменным и обильным, что они были не в состоянии полностью с ним справиться. Многое попросту отправлялось в мусорный бак. Это немало огорчало старшину третьего эскадрона. Он предложил своему непосредственному командиру — как раз ротмистру фон Рауххаупту — не выбрасывать излишки в мусорный бак, а раздавать их малоимущим, коих в городе было достаточно. Их определенно порадовал бы обед из кавалерийской столовой. Ротмистр Рауххаупт оценил инициативу своего старшины и разрешил ему устроить пробную акцию. Гауптвахмистр Буттгерейт связался со своими знакомыми в городе, чтобы те собрали бедных и отправили их днем к кавалерийским казармам. Естественно, что на территорию самой части дневальные их не допустили и они должны были ждать снаружи. Около полудня, вдоль казарменных стен вплоть до сторожевого поста, собралась толпа вполне прилично одетых граждан с кастрюлями и мисками. Пока всё шло нормально...

Как рассказывал фон Рауххаупт, это дело он полностью оставил на попечение старшины и лично им не занимался. Вскоре ничего не подозревавший о проявленной инициативе командир полка далеко не дружеским тоном поинтересовался, что за «стадо баранов» из гражданских лиц собралось перед сторожевым постом? Они дескать портят всякий вид и особенно непривлекательно это будет выглядеть, когда он — командир — будет там проходить. Ротмистр фон Рауххаупт объяснил ему причину народного скопления и пообещал исправить ситуацию. Он поведал старшине о неудовольствии командира гражданскими, скопившимися перед КП, и приказал ему восстановить среди них порядок, дабы снова не оскорбить начальствующий взор. Гауптвахмистр Буттгерейт воспринял приказ с безукоризненной точностью.

Ротмистр фон Рауххаупт считая, что порядок установлен, оказался немало удивлен, когда спустя короткое время был снова вызван к командиру, получив от него взбучку из-за гражданских. Согласно его словам, он никогда не видел командира настолько злым. Последний не дал произнести ротмистру и слова, после чего неприветливо отправил восвояси. Расследуя случившееся, фон Рауххаупт узнал о том, о чем не имел никакого понятия, но командир перед этим уверенно ему заявил, что злополучный приказ поступил именно от ротмистра.

Оказывается старшина Буттгерейт, будучи сильно раздосадован столь мелочным отношением командира полка, решил исполнить приказ своего непосредственного командира (ротмистра), а именно «Привести гражданскую толпу в порядок», буквально, а точнее персонально. В обычное время — здесь можно было сверять часы — командир полка покинул казармы. Навстречу ему вышел дневальный, отрапортовал, и тут, внезапно, где-то в стороне — примерно от здания казармы третьего эскадрона — раздался командный голос: «Бедные люди... Смирно!... Для доклада командиру... Равнение направо!» К командиру быстрым шагом приближался гауптвахмистр. Подойдя к нему, он совершенно невозмутимо доложил: «Гауптвахмистр Буттгерейт докладывает, что десять (может больше или меньше) бедных людей для получения пищи построены!» Командир считая, что его разыгрывают, небрежно отдал ему честь и не проронил ни слова... сберегая гораздо больше для ничего не подозревающего командира третьего эскадрона, поскольку предполагал, что это именно он режиссер данного спектакля. Ведь было известно, что фон Рауххаупт позволял себе некоторые отступления от своего чина. Он писал книги, коллекционировал военную униформу и организовал её выставку в своей казарме, вместе с детским хором учителя Гобата устроил рождественское представление для своего эскадрона в Эйхвальдерском лесу, а также поддерживал контакты с прессой. Но в данной истории фон Рауххаупт чувствовал себя абсолютно невиновным, хотя про себя и подумал, что на месте старшины поступил бы точно так же. Вернувшись в казарму, он в первую очередь устроил командирский нагоняй своему старшине и приказал ему впредь воздерживаться от подобных шуток. После того как все закончилось, они оба от души посмеялись над этой историей.

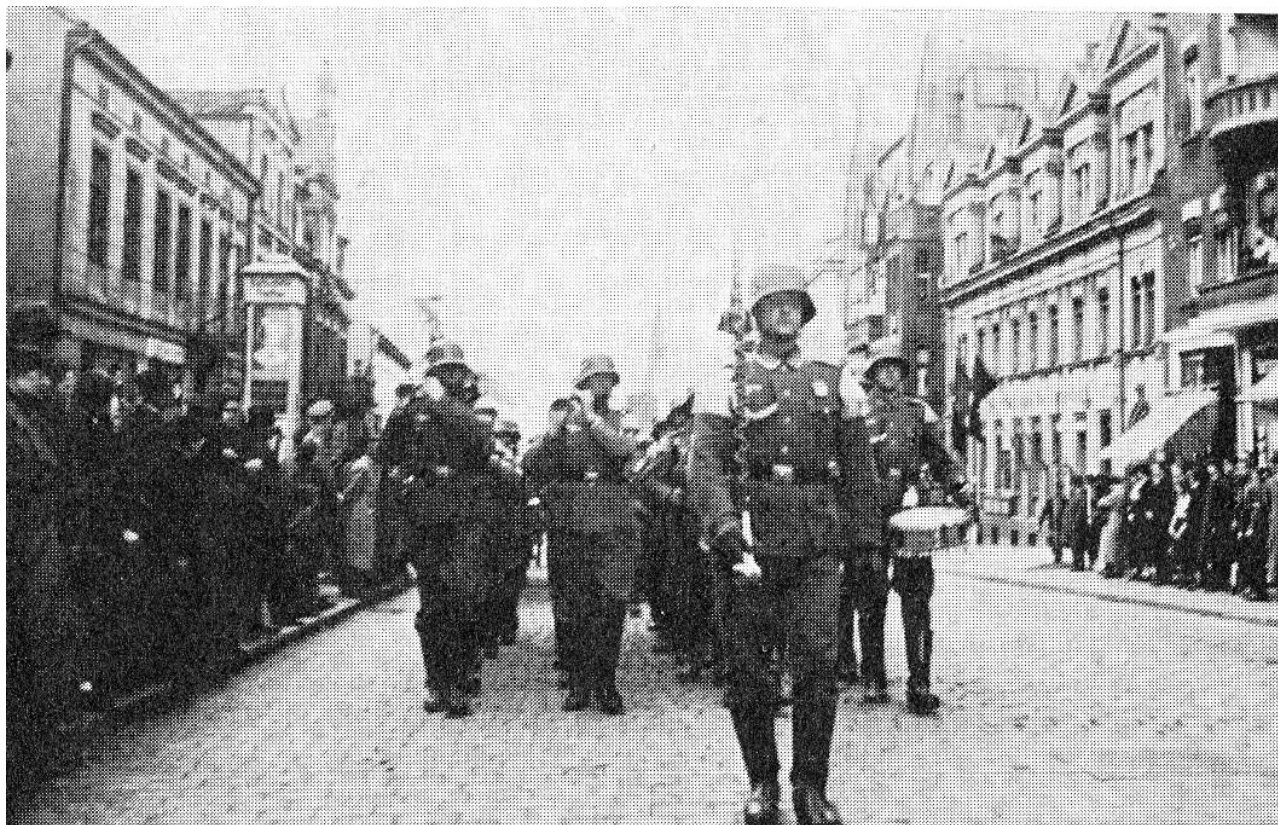
+++

Insterburger Brief, 3/4 1973

КОМЕТА ГАЛЛЕЯ

Как-то в мае мы были в гостях у друзей — мне кажется это был 1911 год — и счастливо проводили вместе время. Они жили в центре Инстербурга на Альтер Маркт. Мы болтали обо всем подряд и кто-то сказал, что этим вечером на небе можно будет наблюдать редкое явление, а именно комета Галлея, которая появится на короткое время. Столь нечастое событие мы не хотели пропустить. Мы стали размышлять, где самая лучшая точка для наблюдения. Окна наших друзей не годились. Кому-

то из нас пришла идея подняться на колокольню древней Лютеркирхи. Там наверху, пожалуй, был самый лучший вид. Только как мы сможем туда проникнуть в столь позднее время? Наш друг знал ответ. Его родственник, мастер-часовщик Шредер, владел ключами от колокольни, поскольку был уполномочен ухаживать и ремонтировать ее часы. Сказано – сделано! Мастер-часовщик согласился дать нам туда доступ. Он даже согласился сопровождать нас, так как подъем наверх был довольно трудным, а он мог помочь нам сориентироваться внутри.

Военный парад на Гинденбургштрассе

Он оказался прав. К часам на колокольне вела узкая, но надежная винтовая лестница, но нам нужно было подняться еще выше. С учащенным сердцебиением мы добрались до верхней площадки без происшествий. Она оказалась довольно просторной. Но какой нам открылся удивительный вид! Весь город в ранних сумерках расстился перед нами. Серебристой лентой блестела Ангерапп, вдали мы видели Инстер и Прегель. Темной громадой раскинулся Эйхвальдский лес, на юге рос Городской, а на самом горизонте Брёдлаукский. Под нашими ногами начали вспыхивать первые уличные фонари, а в окнах стал зажигаться свет. На улицах смутно различались фигуры нескольких прохожих. Мы настолько увлеклись увиденным, указывая друг-другу на знакомые объекты, что совершенно забыли о комете Галлея.

Подъем на колокольню для нас был весельем, но здесь наверху наше настроение переменялось. В благоговении стояли мы, позволив открывшемуся виду подчинить нас целиком. Как же прекрасен был наш родной город! Если сначала мы и болтали без умолку, то теперь просто стояли в умилении. После этого мы молча спустились обратно. Ни у кого не возникало желания продолжить славный вечер. У маленькой калитки справа от главного входа мы распрощались с чувством удовлетворения и... ни словом не обмолвились о комете.

Спустя несколько лет по Альтер Маркт маршировали русские. Первая мировая война сразу после своего начала устроила жёсткую проверку нашему родному городу. Но я не хочу говорить об этом;

мы преодолели экономические трудности после ее завершения и постепенно встали на ноги. А затем... в июне 1941 года... я шла вечером с работы по Гинденбургштрассе, желая пройти через Альтер Маркт и арочный мост в сторону нашего дома на Ангераппских высотах. На Альтер Маркт я увидела большую толпу, пребывавшую в взволнованном состоянии. Естественно, что мне захотелось узнать, что происходит. Оказалось, что все ждут прохода большой войсковой колонны из Кенигсберга.

Мне не пришлось долго ждать, когда по улице загрохотало множество грузовиков и военной техники. С балкона моих родственников, живших в доме Цигана (Альтер Маркт 4/5), мы несколько часов наблюдали за прохождением войск. Мы сидели молча и все понимали, что это значит: началась кампания против Советского Союза. В нас закралось неприятное ощущение. Что будет, если наш Инстербург, как и во время Первой мировой войны, снова окажется в зоне боевых действий? Когда около полуночи я поспешила через Белильное поле к нашему дому, шум двигателей все еще не стих. Соловей в густом ивовом кустарнике беспечно пел песню о любви в теплой ночи июня. Но на сердце у меня было тяжело. Оно было полно угрожающих предчувствий надвигающейся беды. Сегодня мы уже знаем какой именно. Наш любимый город стал для нас недостижим. Из тех людей, с которыми я испытывала потрясающие переживания на колокольне нашей Лютеркирхи, когда мы вознамерились понаблюдать за кометой Галлея, живы сейчас лишь немногие. Самой колокольни Лютеркирхи больше не существует, как и многих из тех, кто смотрел за проходом войск в 1941 году. Все что у нас осталось, так это неизгладимые воспоминания о нашем родном городе, нашем Инстербурге!

Шарлотта Кройцбергер.

Примечания переводчика: Хотелось бы внести некоторые замечания относительно предыдущей публикации.

Честно говоря, был несколько удивлен, что подобного рода ошибки, да еще и в столь короткой и пастельной статье, допущены Шарлоттой Кройцбергер.

Можно простить ей погрешность с годом пролета кометы Галлея (на самом деле она наблюдалась в мае 1910 года), ибо это не столь существенно.

Но вот что касается Лютеркирхи, то тут либо Шарлотта перепутала связанные с ней события (т.е. они поднимались на нее с друзьями по другому поводу и в другое время, нежели наблюдение за кометой) либо просто не смогла толком вспомнить как выглядела Лютеркирха в 1910 году. Ибо общеизвестно, что до 1912 года (т.е. до реконструкции) она не имела часов. Была еще одна ошибка, которую я сразу исправил ибо она была просто вопиющей. Имеется ввиду год начала кампании против СССР. В статье по какой-то причине указывался 1942год.

+++

Insterburger Brief, 1/2 1964

Все его знают — Все его желают! (Jeder kennt's - Jeder will's!)

Наше инстербургское пиво! Ему посвящен данный номер «ІВ». Оно было замечательным! Оно было превосходным! И пусть наши читатели из южной Германии и Дортмундской области улыбнутся снисходительно при этих хвалебных эпитетах. Так улыбались наши коллеги, приезжавшие к нам в гости из «оплота» пивного царства. Они продолжали улыбаться, когда мы приглашали их отведать по

кружечке пива у Гутовски или в «Старом Африканце» у Поля Рентеля. Однако, улыбались они лишь до тех пор, пока не делали первый глоток «Инстербургского Двойного Пива». После этого, восхитившись, они отдавали ему дань заслуженного признания.

Мы приписывали высокое качество инстербургского пива нашей прекрасной водопроводной воде. Ведь, если я правильно помню, в отчёте, составленном после исследования воды во всех немецких округах, наша вода оказалась в верхних строках списка. Но согласно информации, полученной от последнего директора пивоварни, Вернера Бонова, вода бралась прямо из Ангерапп. Естественно, что для пивоварения она сначала проходила специальный процесс фильтрации. Вернер Бонов пишет, что высокое качество производившегося на его предприятии пива помимо воды основывалось на особом способе обработки солода на собственной солодовне. Помимо этого, все фазы солодования и пивоварения постоянно и тщательно контролировались современной лабораторией. История инстербургского пива уходит корнями в прошлое, когда еще даже не был основан сам Инстербург. О правах на пивоварение в те времена доктор Вальтер Грюнерт мастерски и интересно поведал в отдельной статье. В наши времена, на рубеже веков, в Инстербурге существовали три крупных пивоваренных предприятия. Как отмечает Ганс-Йоахим Шнура, в своей статье «Мои Инстербургские Годы» ими были:

		
<p><i>Пивоварня Брун и Фрёзе на Цигельштрассе (ул. Победы), позднее получившая название «Немецкая Пивоварня» (директор Вундерлих, главный пивовар Тройтлер).</i></p>	<p><i>«Городская Пивоварня», ранее Ф.А. Фриша (директор Кальхер), на Шлосштрассе, позади старого замка, что напротив виллы Брандеса.</i></p>	<p><i>«Богемский Пивоваренный Завод», ранее принадлежавший Бернекеру, расположившийся на обрывистом берегу Ангерапп, в саду которого был построен «Королевский Угол».</i></p>

Недавно я получил письмо от госпожи Маргариты Фенварт, урожденной Бернекер, дочери одного из основателей пивоварни Бернекера, живущей ныне в Баден-Бадене. Она пишет, что ее отец, Эдуард Бернекер, вместе со своим братом Генрихом, в 1875 году основали пивоваренное предприятие. Оно было самым большим в Инстербурге. Его обширный и ухоженный сад занимал площадь в шесть моргенов. К радости прохожих по нему гордо расхаживал великолепный павлин. Незадолго до постройки на его месте «Королевского Угла» в нем был проведен провинциальный певческий фестиваль. Пивоварня процветала, но когда скончался Генрих Бернекер, его брат создал из пивоварни акционерное общество и переехал со всей семьей в Берлин. Меньшие пивоварни до войны (1 Мировой) располагались на Цигельштрассе, на углу Кенигсбергерштрассе, напротив районного суда и на Прегельштрассе.

После 1 Мировой войны пивоваренные заводы Инстербурга были выкуплены концерном Рюкфорт (Rückforth). В ходе рационализации — как сказали бы сегодня — этот концерн остановил в 1923 году

производство на предприятиях, находившихся на Шлосштрассе и Цигельштрассе. Выведенный было из эксплуатации «Богемский Пивоваренный Завод», однако, был значительно расширен и остался единственным пивоваренным предприятием в Инстербурге, сменив свою торговую марку на «АО Городская Пивоварня» (Bürgerliches Brauhaus AG). Директор Вернер Бонов. Каждая из трех инстербургских пивоварен располагалась поблизости от водоема, из которого могла пополнять свои запасы льда. Так возле пивоваренного завода на Цигельштрассе находился Гавенский пруд, пивоварня на Шлосштрассе находилась рядом с Замковым прудом, а «Богемский Пивоваренный Завод» возле Ангерапп. Хотя вышеупомянутые предприятия имели собственные устройства по производству искусственного льда, все же натуральная добыча в тогдашних условиях была более экономична.

Когда ледорубы со своими пилами и длинными баграми выходили на лед, это становилось настоящим событием для инстербургской детворы. Своими огромными пилами они слаженно прокладывали каналы во льду, зачастую толщиной в один метр. Их коллеги, длинными баграми подтаскивали льдины к ледовому подъемнику или тащили их по Замковому пруду к месту погрузки около «Зеленой Кошки». Дальше лед доставлялся на санях в производственные подвалы, как об этом сообщал Г. Й. Шнура в вышеупомянутой статье.

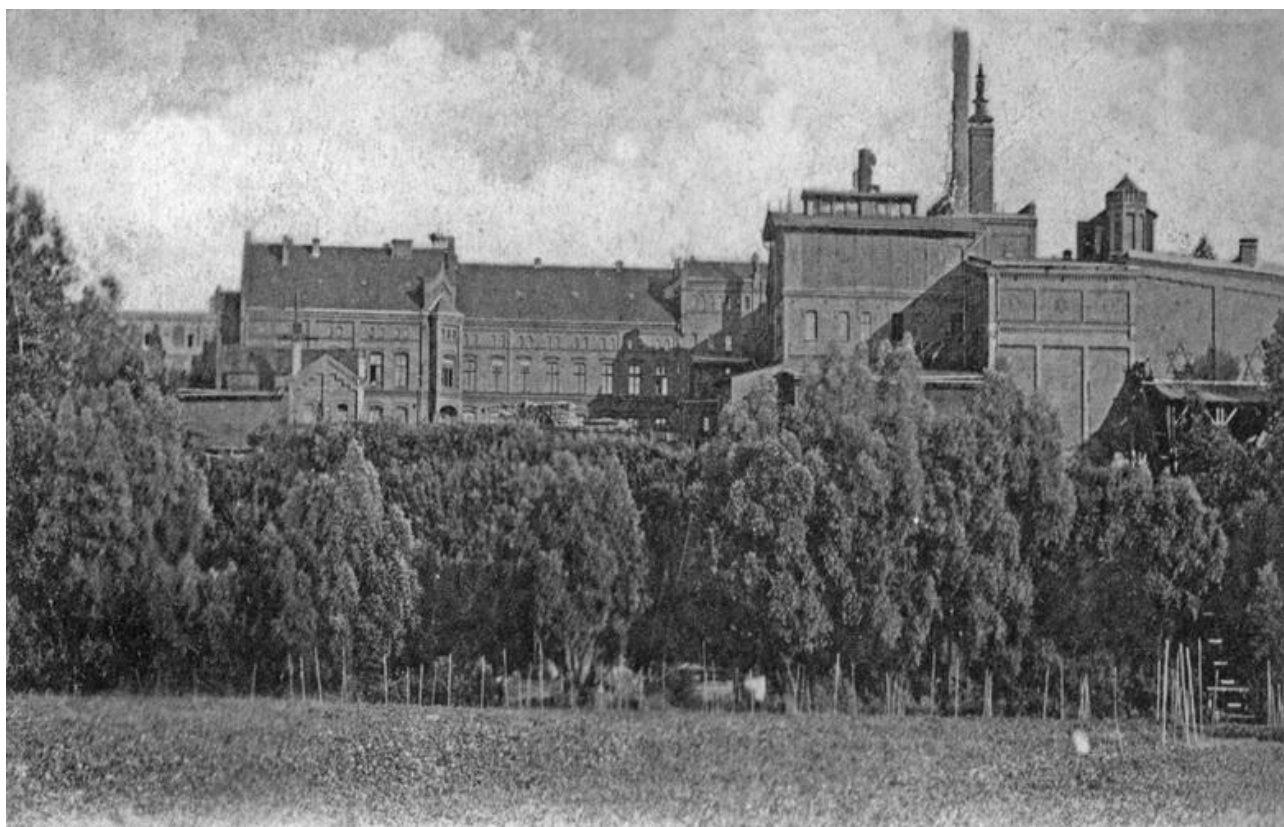
Я сам все еще хорошо помню, как однажды, будучи совсем маленьким, долго стоял на берегу, так что у меня замерзли ноги, и ждал, когда из воды вылезут пильщики-водолазы. Я всегда полагал, что такими большими пилами работают два человека, как это происходит при распиловке древесины на суше. На мой вопрос, действительно ли их двое, остроумный взрослый ответил, что иначе и быть не может, так как один из них должен тянуть пилу вниз. К счастью, ближе к вечеру один из пильщиков вытащил свой инструмент из воды и тогда я увидел, что на его обратном конце располагался груз, тянувший пилу вниз. С тех пор я стал недоверчив ко всем заявлениям взрослых относительно всяких непонятных вещей.

Особенно интересными были ледовые подъемники, по которым с пруда или Ангерапп в подвалы пивоварни поднимали ледовые глыбы. За этим процессом до самых холодных ног наблюдали не только мы, дети, но и множество взрослых.

Директор Бонов пишет, что полученный таким образом натуральный лед использовался исключительно для охлаждения производственных помещений. Искусственный же лед поставлялся клиентам в брусках. Сегодня, в век холодильников, такое уже не практикуется. В те времена пивоварня сдавала в аренду свои холодильники. Это были настоящие монстры, охлаждавшиеся за счет ледяных блоков. По этой причине бутылочное пиво всегда оставалось прохладным. Солидные рестораны имели собственные ледовые подвалы, снабжавшиеся искусственным или природным льдом. В теплое время года по городу курсировали специальные автомобили-рефрижераторы, призванные утолить жажду любителей прохладного пива.

Я, в качестве корреспондента, по крайней мере три раза посещал в Инстербурге Городскую Пивоварню. Директор Бонов то и дело, по особым случаям, приглашал к себе прессу. Доктор Бриндлингер написал замечательную статью о ней - «О, Богемское... о, ипподром». Я же выслушивал технические подробности, отмечал то, что казалось важным, во многом просто работал камерой и записывал обращения руководителя предприятия, директора Бонова (которые, слава Богу, никогда не были длинными), который угощал нас сосисками, наливал стаканчик пива для дегустации, а затем еще один на посошок. Но сегодня я уже не могу что-то рассказать о самом пиве или о технологии его производства. Поэтому я попросил нашего прежнего хозяина, директора пивоваренного завода (ныне на пенсии), Вернера Бонова, написать мне об этом. Сейчас он живет в Херфорде, весьма

энергичен, несмотря на свой возраст (76 лет) и по меньшей мере раз в год навещает свою дочь в Мюнхене. При этом я смог с удовольствием вспомнить с ним старые времена, проведенные в Инстербурге. Кстати, раз уж мы коснулись личного, должен признаться, что использовал свое знакомство с директором Боновым во время войны самым низким образом. Мы (военные корреспонденты. Прим. Переводчика) — после того, как операция «Морской Лев» (планируемое вторжение в Англию) была отменена — вернулись с побережья Ла-Манша в Восточную Пруссию. Нас, военных корреспондентов, разместили в деревушке Лушен под Гумбинненом. Незадолго до начала кампании в России стояла жаркая погода. Нас одолевала мучительная жажда. Хозяин местного заведения не мог справиться с повышенным спросом многочисленных солдат на бочки и бутылки с пивом. Все квоты были исчерпаны. Одним словом на много миль вокруг не было ни пива, ни минеральной воды. Тогда я вспомнил о своем знакомстве с директором Боновым и решил сначала попытаться счастья законным путем. Но в Brauerei-Expedition лишь качали головами: Никакого пива без разрешения! Такого у меня не имелось. Директор Бонов же на мою просьбу лишь улыбнулся и доверху загрузил мой Фольксваген Двойным Инстербургским пивом и минеральной водой из собственных запасов и еще пригласил приехать снова. Кстати, мои баварские коллеги были в восторге от нашего инстербургского пива!

Городская Пивоварня

Теперь перейдем к тому, что пишет об инстербургском пиве Вернер Бонов: Основным сырьем для пива был и остается ячмень. Он измельчался, замачивался от 2 до 3 дней, и отправлялся в варочный цех. Там стояли большие сусловарочные котлы, в которых производилось добавление хмеля и дрожжей. В хмелеотделителе горячее сусло отделялось от лишнего хмеля (так, чтобы пиво не получилось слишком горьким). Из варочного цеха сусло перекачивалось в бродильный резервуар. Во время хранения в этом резервуаре происходило брожение и превращение в спирт. На своем пути через различные чаны, котлы и другие сосуды сусло постоянно контролировалось лабораторией. Успех готового продукта конечно же зависел в значительной

степени от квалификации и опыта самих пивоваров. Как только достигалась правильная степень брожения сусло перекачивалось в танки лагерного отделения для хранения и там за ним тщательно наблюдали — пока оно дозревало.

Заполнение бочек и бутылок производилось машинным способом. Предварительно бутылки и бочки промывались в специальном месте, высушивались и — если это касалось бочек — ремонтировались, подновлялись, окрашивались и т. д. Пиво потребителю с завода поставлялось только в чистой посуде.

Касаясь объема производившегося пива - «выпуска» - Вернер Бонов приводит следующую информацию: В 1925 году производилось 28000 гектолитров пива и около 4000 гектолитров минеральной воды. В последний год выпуска (1944) было — несмотря на военные ограничения — уже 62000 гектолитров пива и приблизительно 13000 гектолитров минеральной воды. Собственные транспортные средства, гужевые и моторизированные, загружались ящиками и бочками с ленточного конвейера, после чего продукция отправлялась заказчиком. Наряду с известным «Инстербургским Двойным Пивом» Городская Пивоварня производила экспортное пиво и бок-бир (Bockbier - разновидность немецкого крепкого пива. Прим. Переводчика), коричневое пиво (Braunbier - сорт пива верхового брожения. Прим. Переводчика), а также пастеризованное солодовое пиво (Malzbier - слабоалкогольное или безалкогольное пиво. Прим.переводчика), так называемое «Санитарное», с добавлением железа. Последнее поставлялось в больших количествах в районную Женскую клинику на Аугусташтрассе. Производство вкусной минеральной воды было другой процветающей отраслью пивоварни.

Как подчеркивает директор Бонов — и посетители пивоварни могли в этом убедиться лично — Инстербургская Городская Пивоварня была снабжена по тем временам самыми передовыми устройствами и оборудованием, создававшими, наряду с профессиональным персоналом, наилучшие условия для выпуска высококачественной продукции. Еще цифры: Городская пивоварня занимала площадь в 23950 квадратных метра из которых 4851 квадратный метр были застроены. Собственные пивные склады инстербургской «АО Городская Пивоварня» имелись в Гумбиннене, Эбенроде, Эйдкау, Велау, Тапиау, Ангераппе, Лике, Треубурге, Либенфельде, Скайсгиррене и Брейтенштейне.

Хмель поставлялся из Нюрнберга и Тетнанга.

В Городской Пивоварне работало около 180 сотрудников. В годы войны их число значительно уменьшилось, хотя производство росло непрерывно.

Директор Бонов постоянно заботился о том, чтобы использовать любую возможность улучшить условия жизни своих работников. С его подачи была официально зарегистрирована организация по выдаче пособий нуждающимся под названием «ООО Городская Пивоварня» (Bürgerliches Brauhaus GmbH). В случае потери работоспособности или при достижении пенсионного возраста работникам выплачивалась сумма в 100 рейхсмарок в месяц. Главным требованием был стаж работы не менее 10 лет. Всем сотрудникам выплачивались отпускные. Рабочие и служащие получали рождественскую премию уже 10 декабря. Ради проведения праздника освобождалась солодовня. Там сотрудники вместе с членами своих семей рассаживались за празднично накрытыми столами. «Старик» (как называли тогда еще совсем не старого директора Бонова) обращался к ним с краткой речью. Дети зачитывали наизусть свои маленькие рождественские стишки и получали подарки, тогда как жены тянули жребий, разыгрывая между собой продукты и кухонные принадлежности (разумеется бесплатно). На рождественских вечеринках, устраивавшихся на пивоварне всегда было очень по-

домашнему и все это чувствовали, потому что это была одна большая семья. И посему не могло быть иначе, что когда партийная организация потребовала заменить «масона» Бонова, все сотрудники компании, включая производственный совет, заступились за своего «Старика». И «Старик» остался...

Он оставался с ними до 15 часов 20 января 1945 года, когда его оставшиеся работники, 33 мужчины и 8 женщин — собрали вещи и ушли еще до того, как пришли русские. Вопреки всему он не растерял своего чувства юмора снова и снова воодушевляя павших духом. Его спутники тоже иногда горько шутили. Отважные странники после первых десяти километров пути называли его «дорожным референтом», через 14 дней он стал «уличным экспертом», и, наконец, был назначен «километровым Германном». Он охотно рассказывает об этом и сегодня. Лишь о своих глубоких переживаниях он ничего не говорит.

Таким образом завершается рассказ об этом восхитительном пиве, который нам поведал «Старик» инстербургской пивоварни, по сию пору остающийся молодым и жизнерадостным. Когда по улицам разносится сладковатый аромат солода с мюнхенских пивоварен, я ощущаю призрак крестьянской телеги, громыхающей по улицам Инстербурга и везущей «пивную дробину» - питательные остатки пивоваренного ячменя. Так пахло когда-то вдоль всей Гинденбургштрассе...

+++

Insterburger Brief, январь-февраль 1985

"СУМАСШЕДШАЯ" ИСТОРИЯ

Доктор Вандер однажды поведал мне следующую историю о тех днях, что были сорок лет тому назад. По моей просьбе он хотел написать ее для Insterburger Brief. К сожалению смерть вырвала перо из его руки. Сейчас же я попытаюсь воспроизвести эту историю по памяти. Вначале необходимо упомянуть, что провинциальная Женская Клиника (Landesfrauenklinik), находившаяся в нашем родном городе на Аугусташтрассе, была освобождена от своих фактических пациентов, а на их место из клиники для душевнобольных из Тапиау (Гвардейск) были переведены сумасшедшие. В их же прежнем учреждении расположилась администрация гауляйтера. Причины данного шага не разглашались. Женская клиника, естественно, не была приспособлена для содержания этих несчастных пациентов. Вследствие этого, одному из них удалось сбежать. Это оказалось большой проблемой, поскольку он мог быть опасным маньяком. Перед нашей полицией встала непростая задача вернуть беглеца. В те дни многие сходили с ума. В кого они могли, в результате, превратиться?

Случилось так, что в то же самое время бургомистр доктор Вандер, в ресторане Ратскеллер, приветствовал районного президента с несколькими господами и служащими его администрации. Русские находились уже очень близко от нашего соседнего города (Гумбиннена) и они более не могли оставаться там.

Так вот, как я уже говорил, доктор Вандер встречал высоких господ. Тут главный гость заметил отсутствие одного из своих спутников. Он успокоил себя тем, что тот хорошо знал Инстербург, поскольку исходил его в одиночку. Все сидели и разговаривали, когда неожиданно отворилась дверь, и дежурный офицер полиции сообщил доктору Вандеру, что они наконец схватили сбежавшего пациента. Тот был одет в штатское, но в остальном был типичным сумасшедшим. Он бушевал и кричал, что является правительственным советником из Гумбиннена (Гусев). К тому же многие подобные люди мнят себя императорами. Оказавшись же в полиции он "отхватил" по

полной. Крепкие полицейские кулаками быстро утихомирили буяна, а после этого отправили в Женскую клинику. Глава районного правительства услышав должность пострадавшего воскликнул: "Боже мой, это же мой... тот, который здесь отсутствует!"

Это действительно оказался он. Но человек сам был виноват в этом недоразумении, поскольку не смог документально подтвердить свою личность перед полицией. Вопрос был урегулирован и в те мрачные дни все снова смогли посмеяться от души.

+++

Insterburger Brief, 5/6 1972

БЕЛИЛЬНОЕ ПОЛЕ

Глядя на некоторые весенние фотографии можно предположить, что наша Ангерапп представляла собой грозную силу, поскольку запечатлённые на них ледяные торосы выглядят весьма внушительными. Но такие бедствия, как паводковые воды и ледоход, мы, к счастью, испытывали не чаще раза в год. В остальное время наша Ангерапп была очень спокойной и безвредной рекой, приносившей радость и умиротворение.

Жители старой части города, в районе Альтер Маркт, по-прежнему с любовью вспоминают Белильное поле на правом берегу реки. Оно представляло собой раскинувшийся напротив Лютеркирхи луг. На его окраине, прямо на берегу реки, стоял белильный домик. Простое строение, всегда чисто выбеленное известью под кроной высокого дерева. Домик отражался в водах реки и являл собой желанный сюжет для художников и фотографов.

В дни моей юности до Белильного поля можно было добраться только летом, поскольку тогда не существовало еще постоянного арочного моста. Кривоватые деревянные мостки в районе Водного

переулка (Wassergasse) возводились только в том случае, когда уже исключалась возможность всякого паводка.

Объявление о том, что “Белильная дорожка” построена, становилось настоящим праздником для молодёжи из близлежащих районов. Клич “Строят дорожку!” распространялся с молниеносной скоростью, так как все стремились попасть на ту сторону. К великой досаде плотников мы оравой окружали стройплощадку. Когда же мостки, наконец, достраивались, каждый из нас первым стремился пробежать по ним.

Но не только дети радовались “Белильной дорожке”. Домохозяйки также были счастливы возможности должным образом придать “сияющую белизну” своему белью.

Сама процедура стирки, которая по сравнению с нынешними возможностями была в высшей степени утомительным процессом и проводилась, главным образом, в домашних условиях. Посему домохозяйки или, как это было в богатых семьях, прачки и горничные, при первой возможности несли через мостки на Белильное поле тяжёлые корзины с бельём.

Само Белильное поле, по всей видимости, принадлежало городу, который сдавал его в аренду с условием содержания и надзора над ним. В мои времена им заведовала Каролина Подцун (Podzun), которую все ласково называли маленькой Каролиной. Она распределяла участки и собирала плату за их использование. Её постоянным местом жительства был Белильный домик под кронами старых деревьев. В полдень там собирались домохозяйки, прачки и горничные, чтобы получить принесенный детьми обед. Сдобренная весёлыми сплетнями стряпня казалась вдвойне вкуснее. Смеха и аплодисментов было хоть отбавляй, если конечно развешенная перед всеобщим взором масса белья давала для этого достаточный повод.

Стирка на этом не заканчивалась. На зеленой траве раскладывалось белье и смачивалось водой. Если это было необходимо, то оно оставалось там на ночь. В этом случае его необходимо было охранять. Служанки были этому только рады. В разгар лета ночи были короткими и тёплыми. С другой стороны у каждой девушки был друг, охотно составлявший ей компанию во время ночной бельевой стражи.

Утром бельё собиралось и споласкивалось в реке, чтобы затем снова просохнуть под солнечными лучами. При определённых обстоятельствах оно полоскалось несколько раз. Во время этого процесса наличие детей поблизости не приветствовалось, поскольку мы с удовольствием плескались на мелководье, поднимая при этом песчаный грунт. А разве кому-нибудь мог понравиться песок в своей только что постиранной одежде? Но времяпрепровождение на Белильном поле в дни стирки дарило нам, детям, пёстрые переживания, которые мы с радостью делили не только со своими семьями, но также и родственниками и друзьями.

Как я уже говорила, наша Ангерапп, несмотря на свои ежегодные наводнения, была рекой благонаправной и безвредной, хотя и здесь не обходилось без исключений. Я помню, как однажды, в разгар лета, случилось серьёзное наводнение. Оно привело к тому, что речной поток смыл купальню Флора, находившуюся около ледового подъемника городской пивоварни. К несчастью посетители купальни находились внутри, когда их увлекло течением. Но с ними ничего плохого не случилось, поскольку их вытащили подоспевшие на лодках рыбаки ещё до того, как саму купальню остановил автомобильный мост на Театрштрассе. “Белильная дорожка”, естественно, стала главной жертвой наводнения.

Жителям Белильного домика, когда отсутствовали мостки и не было возможности переправиться на лодке на другой берег, были вынуждены отправляться в город за покупками или по делам по окружному пути через гору Крушкенберг и автомобильный мост у Театрштрассе.

Кстати, Крушкенберг (перед земельным участком и предприятием Якстейна (Jakstein) у подножия Прегельтора) имела определенное историческое значение: тут покоилась жена инстербургского священника Аннхен из Тарау, которой Симон Дах посвятил знаменитую в Восточной Пруссии песню, которую поют и будут петь в будущем. Эта Анхен пережив первого мужа, пастора лютеранской церкви, еще дважды была замужем за его преемниками. Впрочем она пережила и третьего мужа. После этого, окончательно став вдовой, она жила в большом доме, в начале Прегельштрассе, там, где позднее появилась школа для девочек, называвшаяся в наши дни школой Вильгельма Йордана.

Доступ на правый берег Ангерапп, а вместе с тем и к Белильному полю, был упрощён лишь после того, как в двадцатые годы был построен арочный мост напротив Лютеркирхи. Наряду с Белильным полем он открыл путь к отведенной под застройку территории “Ангераппских высот”, на северном берегу нашей реки. Здесь было построено множество многоквартирных домов и разбит ряд прекрасных садов. Но все они были построены на возвышенности, поскольку даже после выпрямления русла реки никто не был уверен в отсутствии угрозы наводнения.

После появления современных моющих средств и химических отбеливателей Белильное поле из года в год использовалось всё реже. Лишь несколько консервативных домохозяек, предпочитавших природную чистоту белья, продолжали стирать его по старинке.

Шарлотта Кройцбергер

+++

Insterburger Brief 1/2 1985

40 лет назад в нашем доме случилась большая беда – бегство от огромной орды вторгшихся советских войск. Это стало следствием абсурдных сдерживающих приказов всемогущего комиссара обороны, Рейха Эрика Коха. Любые подготовительные меры для эвакуации были строго запрещены и расценивались как “пораженчество”, грозя смертной казнью. Тем не менее, находились смельчаки, такие как бургомистр доктор Герт Вандер в Инстербурге, который полагаясь на молчание своих сотрудников смог подготовить эвакуацию общин района. Поскольку подготовка к “Дню Ноль” велась в тайне, не всё прошло гладко и на своём пути эвакуируемое население сталкивалось с неисчислимыми бедствиями, становившимися особенно горькими для женщин с маленькими детьми. Герта Бубат из Георгенбурга впоследствии записала воспоминания о своём пути из дома...

БЕГСТВО С РОДИНЫ

19 января 1945 года. Сегодня в 7 часов утра поступил приказ об эвакуации, который мы ждали начиная с 13 января, когда началось советское наступление и в Инстербурге стал отчетливо слышен ураганный огонь.

Моя сестра Фрида и я каждое утро, с тех пор, как прекратилось автобусное сообщение, отправлялись в Инстербург на грузовике полевой почты, расположившейся в Георгенбургской Народной школе и узнали об этом на своих рабочих местах. Сестра работала на военной подстанции, а я была задействована в районном сельском хозяйстве. Поскольку наш бургомистр (доктор Герт Вандер)

воспользовался тремя месяцами военного положения для эвакуации из города всех ненужных жителей, то окончательная эвакуация должна была пройти упорядочено.

Несмотря на отдельные воздушные налёты и огонь зенитной артиллерии мы обе решились нанести визит в нашу Георгенбургскую квартиру, расположенную в 3 километрах от города, чтобы забрать предусмотрительно собранные для “отъезда” вещи, снабдить остававшихся в сарае кур достаточным кормом и привести всё в порядок. Что за оптимизм!

Утром появилась пехота с панцерфаустами. Поскольку мы уже три месяца жили в прифронтовой области и питали огромное доверие к нашим солдатам и руководству, то всё происходило без особого страха и спешки. В полдень мы двинулись в путь.

Между тем, мы, работники районного сельского хозяйства, получили заверения в том, что нас заберут во второй половине дня. После обильного и продолжительного обеда – в течение многих недель устраивавшегося прямо на работе – подъехал трактор с прицепом, в котором были оборудованы скамьи. Он должен был вывезти нас как можно скорее из ставшего очень беспокойным города.

Воздушные налёты и сыпавшиеся с неба осколки зенитных снарядов заставляли нас снова и снова пригибать головы. Час спустя мы прибыли в поместье Прегелау (владелец Йеван, ныне Ушаково, Черняховского района), где произошла наша первая остановка. Там мы были встречены в высшей степени гостеприимно, хотя его жители были заняты собственными приготовлениями к отбытию. Вечером, пущенным по кругу шампанским (оказалось, что у помещика был день рождения), мы навсегда попрощались с родиной; хотя осознание этого явилось к нам гораздо позже.

Мы совершенно спокойно переночевали там до следующего утра, потому что чувствовали себя – в 25 километрах западнее Инстербурга – почти в безопасности. Но некоторые наши коллеги торопили с отправлением. Поэтому мы начали готовить военный трактор к дальнейшему пути в сторону Кёнигсберга. Ближе к вечеру, 20 января, мы прибыли в столицу провинции и вскоре добрались на общественном транспорте до железнодорожного вокзала. Мы недолго ждали там поезда на Эльбинг. Здесь следует отметить, что в ходе мер по эвакуации, начавшейся в октябре 1944 года, часть инстербургского сельского населения из районов к востоку от дороги на Тильзит должна была направляться в район Морунген. И вот теперь нашей целью также стал этот город. Посему в Гульденбодене (пол. Богачево) мы должны были сделать пересадку, прождав там нужный нас поезд 4 часа. Близость фронта была отчетливо слышна. Утром в воскресенье, 21 января, около 3 часов мы наконец достигли Морунгена где нашли тёплую общую квартиру и наших заботливых коллег.

Но там мы попали из огня да в полымя: Тем же вечером поступил приказ об эвакуации и этого города. Поскольку поезда больше не ходили, то на грузовиках и автобусах вывозили сначала женщин с детьми. Для всех остальных прозвучал клич: “Каждый проявляет личную инициативу!”

На следующий день, 22 января, нам (примерно 25 человек) представилась возможность покинуть Морунген на фургоне вермахта. Тем не менее, мы проехали по заснеженной дороге всего 17 километров, приехав в Либштадт (пол. Милаково). Удивительно маленький городок в зимнем одеянии. Но мы недолго любовались его красотами, поскольку времени на отдых не было и нужно было действовать: мы очень быстро уяснили, что столь большая группа не сможет поймать транспорт и поэтому разделились на группки поменьше (2-3 человека). Мне и моей коллеге Улле сразу повезло: нас посадили в легковую машину, ехавшую в составе обоза. Однако, оба солдата согласились подвезти нас лишь на 3 километра до поместья Корнейен (или как-то так), но обещали подобрать на

следующий день. Ночевать нам пришлось в вагончике, через чью прохудившуюся крышу мы наблюдали за звездами. Мы страшно замерзли лёжа на соломе. Дом и конюшни были переполнены ранеными и беженцами. На большой господской кухне мы немного помылись и согрелись горячими напитками.

Во вторник, 23 января, в 4 часа утра мы были уже в пути. С многочисленными остановками, в темпе улиток, мы ехали в направлении Браунсберга. Пропитание получали на полевой кухне. Лишь к 16 часам мы достигли намеченной цели. Наши двое солдат получили, в виде исключения, разрешение доставить нас с нашим багажом – с которым мы покинули Морунген – до ближайшей железнодорожной станции, после чего должны были отправиться на фронт в направлении Кёнигсберга. Случилось так, что нам снова повезло. На привокзальной площади стояла легковая машина без горючего. Её водитель буквально атаковал “наш” автомобиль и стал просить солдат дать ему бензина. После некоторых раздумий они дали ему 5 литров с условием, что он довезёт нас до Вислы. Итак, мы сидели в небольшом DKW вместе с водителем и ещё тремя другими людьми с багажом на шее. Снова и снова наш автомобиль застревал в глубоких колеях, оставленных грузовиками. Тогда мы должны были выходить и толкать его. Наши опасения, что таким образом от нас хотят “отделаться”, слава Богу, не подтвердились. Как выяснилось во время поездки, это оказались поляки, которые уже давно находились в пути. Усталый и нервный водитель, страшась, что двигатель снова заглохнет, моментально засыпал при каждой вынужденной остановке, и как только движение возобновлялось его приходилось грубо будить.

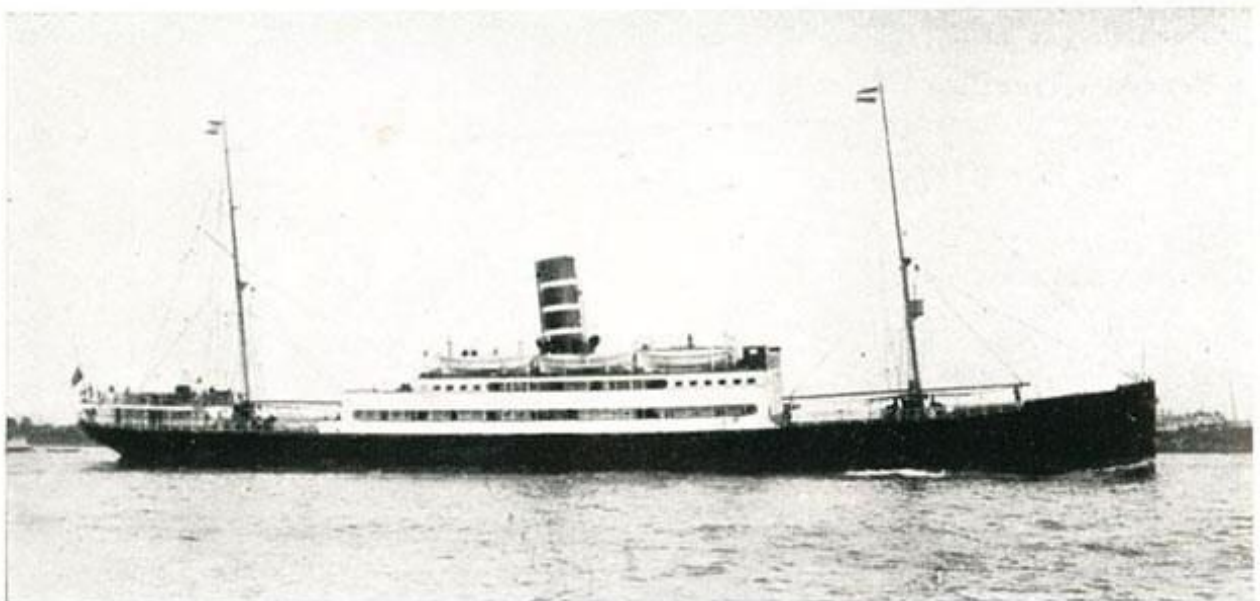
Железнодорожный вокзал Браунсберга

Примерно в 10 километрах от Эльбинга мы были удивлены большому количеству армейских грузовиков двигавшихся нам навстречу. На наш вопрос нас ответили, что советские танковые клинья прорвались к Эльбингу. Итак, пришлось снова возвращаться в Браунсберг. Нас всех охватил ужас: Окружены. Неужели это конец? Около 9 часов вечера мы прибыли на вокзал Браунсберга. Поляки поехали дальше. Вокзал оказался переполнен. Взгляды людей были безучастными и апатичными. У

входа, на дорожных сумках, лежал мёртвый ребенок с которым его мать так и не смогла расстаться. Мы осторожно пробирались мимо лежавших на холодном, покрытом мокрым снегом, каменном полу людей, найдя себе пристанище на узком краешке стола в зале ожидания. Там мы просидели в полусне примерно до полуночи, когда внезапно объявили, что вокзал необходимо освободить из-за возможного нападения противника. Мальчики из Гитлерюгенда стояли вместе с санями на привокзальной площади и помогали перевозить тяжелую поклажу в неотапливаемый кинотеатр, куда нас направили. Там, на складных стульях, мы встретили следующий день. После этого нас отвели в закрытый детский сад, где о нас позаботилось NSV (организация Национал-социалистической народной благотворительности) и снабдило пропитанием.

В среду, 24 января, мы озадачились вопросом, что делать дальше. Нам стало известно, что железнодорожного сообщения больше не существует, а советские танки уже замечены около вокзал Браунсберга. Мы обе решили, что должны наудачу попробовать идти пешком. Мы хотели отправиться в Кёнигсберг, а оттуда через Пиллау спастись морем. Это казалось нам единственным выходом. Сначала все наши попытки двигаться вперед автостопом терпели неудачу, но затем остановился трактор с открытым прицепом. Водитель поначалу не хотел брать нас, но наконец позволил забраться на прицеп, хотя в его кабине было достаточно свободного места. Тем не менее, мы были счастливы и благодарны ему. Наши одеяла не спасали от ледяного ветра и мороза в -25 градусов.

В Кёнигсбергском Понарте наша поездка закончилась, поскольку водитель – поляк – поехал дальше в другом направлении. Судьба снова оказалась к нам милостива: нам повстречались конные сани. Мы залезли в них и разговорились с двумя их пассажирами. Один из них, адвокат из Кёнигсберга, сразу раскритиковал наш план добраться до Пиллау и там сесть на судно. В Пиллау по крайней мере 30000 беженцев напрасно ждали отплытия. Он рекомендовал нам попытаться сделать это из второй гавани, откуда накануне его жена с детьми смогли выбраться. Он благосклонно пригласил нас в свою квартиру, накормил приготовленным еще его женой обедом и после того, как мы основательно помылись, проводил почти до самой гавани, так как это было ему по дороге. И опять нам повезло: без каких-либо проблем мы поднялись на борт грузового судна, которое, кажется, называлось “Леда” (Leda).

D/S „LEDA“

При этом никто не потребовал у нас разрешения, как это произошло бы за день до этого. Около 17 часов судно отчалило от пирса. Без остановки мы прошли мимо Пиллау в открытое море. С нами на борту находилось около 250 человек. Продовольственное снабжение было хорошим, для детей приготовили молочную кашу, а остальным фрикасе из телёнка с хлебом. Ночью сильно похолодало, несмотря на накрытый брезентом люк. В полночь я снова поднялась по трапу на палубу. Начался шторм, луна и звёзды то и дело выглядывали из-за облаков, отражаясь в высоких волнах. Несмотря на тяжесть ситуации это зрелище подняло мне настроение.

Ранним утром четверга, 25 января, опустился густой туман. В качестве меры предосторожности капитан приказал встать на якорь в открытом море. Спасибо этому человеку, который излучал столь много уверенности и доверия, что даже самые боязливые и измученные морской болезнью люди вновь успокаивались и занимали свои места под палубой. Около полудня мы без происшествий достигли Свинемюнде. Там мы узнали, что перед нами было потоплено три небольших судна. В тумане и во время шторма они сбились с курса и наскочили на мины. Наше транспортное судно оказалось первым добравшимся невредимым до померанского побережья. В ходе устроенной гротс-адмиралом Дёницом спасательной акции.

Остаётся лишь добавить, что на всём пути бегства нам несказанно везло: Во время отъезда из Инстербурга утром 19 января город бомбили и он горел. В понедельник 22 января советские войска захватили наш родной город. Морунген враг взял на следующий день после нашего ухода оттуда. Также мы избежали смерти в море от бомб, мин и огня. Кому еще так повезло в те драматические дни?

Герта Бубат.

+++